

Этнокультурное сознание и межславянские языковые контакты. Проблемы перевода

Отражение некоторых ментальных особенностей в тексте славянских сказок

Е. И. Алещенко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Менталитет, фольклорный концепт, славянская сказка, концепт «Смерть»

Summary. In work some mental lines reflected in texts of Slavic national fairy tales are considered. The special attention is given to means of verbalization folklore concept «Death» in Russian, Bulgarian and Czech national fairy tales.

Изучение ментальных особенностей любого народа может вестись лишь в сравнении, ибо только таким способом выделяются индивидуальные черты в этноязыковой картине мира. В этой связи нам представляется весьма интересным рассмотреть отражение некоторых фольклорных концептов (а через их посредство — и ментальных черт народа) в славянских сказках (болгарских, русских и чешских). Полагаем, что в настоящее время сравнительное изучение славянских языковых картин мира представляет особый интерес. И ожидаемое их сходство, возможно, важнее различий.

Мы придерживаемся убеждения, что на выбор лексических средств вербализации концепта влияет ментальность. Можно с уверенностью утверждать, что смерть — одно из ключевых понятий русской языковой картины мира [Ковальчук 2003: 128]. Человека интересовали связанные с ней загадки и вопросы со времен зарождения рода человеческого, ведь жизнь и смерть — понятия, неотделимые друг от друга. На наш взгляд, целесообразно обратиться к способам олицетворения в славянских сказках Смерти, так как она может выступать в роли одной из главных героинь.

Часто Смерть изображали в виде человеческого скелета с провалившимся носом, одетого в белое покрывало, с косой в руках. [Левкиевская 2003: 386–388]. В русской народной сказке «Солдат и смерть» говорится: *Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается* [Русские народные сказки 1985: 446]. В чешской же народной сказке «Смерть-кумушка» Смерть выглядит как «красивая женщина».

Пошел он и повстречал по дороге красивую женщину. Он и не признал ее. А это была Смерть [Чешские и словацкие народные сказки 1990: 68].

Смерть соглашается стать крестной малыша из очень бедной семьи, так как для нее все равны. Она даже помогает куму, а затем своему крестнику стать замечательными лекарями. Но лечить она велит лишь тех, у кого стоит в ногах, чем подчеркивается «справедливость» и неизбежность смерти. При этом справедливость вершится не собственно смертью: сказка подчеркивает, что она подчинена Богу и является орудием Его воли.

После этого Смерть сказала куманьку:

— *Вперед, куманек, примечайте: у кого я буду стоять в ногах — тем помогайте, а у кого в головах, тем уже не поможете.*

В другой раз помирал один граф. Опять послали за этим лекарем. Приходит лекарь и видит — Смерть стоит у изголовья кровати. Лекарь кричит:

— *Худо дело, однако попытаемся!*

Позвал слуг, велел повернуть кровать ногами к Смерти и давай растирать больного мазями и порошки ему в рот сыпать... Так и вылечил...

После Смерть встретила с кумом и говорит ему:

— *Если, куманек, у вас опять такой случай выйдет — никогда больше так не делайте. Хоть вы и помогли ему, да ненадолго — все равно я должна сдать его куда следует* [Чешские и словацкие народные сказки 1990: 417–418].

В болгарской народной сказке «Защо смъртта не вижда, не чува и е невидима» Господь даже преподает своеобразный урок смерти, которая, вняв мольбам семьи бедняка, не забирает его душу. Господь велит ей спуститься на морское дно, найти там камешек и принести Ему, а потом этот камешек разбить. Смерть повинуется и, разбив камешек, находит в нем маленького червячка.

— *Кой е сътворил това камъче? — попитал я Господ.*

— *Ти, Господи.*

— *А кой е дал душа на това червейче?*

— *Пак ти — отговорила Смертта.*

— *Е, щом давам живот на едно червейче, заключено в камък, и то на морското дъно, колко повече давам на хората, които съм направил по свой образ и подобие?*

— *Така е, Господи — съгласила се Смертта.*

— *Щом си съгласна и виждаш, че аз не ги желя, защо ще ги жалиш ти?* [Български народни приказки за змейове и самодиви 2004: 114].

И Господь делает смерть глухой, слепой и невидимой — дабы люди не пугались ее, а она не могла бы внимать их мольбам.

В русской сказке «Солдат и смерть» смерть приходит к Господу за распоряжениями, чем и пользуется хитрец-солдат.

Пошла смерть к господу, а господь и говорит ей:

— *Что ты, смерть, худая такая стала?*

— *Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыволомала! А не знаю, за что ты, господи, на меня так прогневался?*

— *Что ты, что ты, смерть, — говорит ей господь, — с чего ты взяла это, что я посылал тебя дубы грызть?*

— *Да так мне солдат сказал, — говорит смерть.*

— *Солдат? Да как он смел это сделать?! Ангелы, подите-ка, приведите ко мне солдата!* [Русские народные сказки 1985: 448].

Таким образом, в разных языковых картинах мира концепт «смерть» отражается по-разному. Смерть имеет разные обличья, так как ее воплощенное существование вообще — это плод человеческой фантазии, а потребность «заглянуть за грань» велика, кроме того, у носителей языка есть потребность объяснить неизвестное и страшное при помощи понятного, придать ему привычные формы.

Таким образом, в фольклорной картине мира смерть обычно рассматривается как одушевленное существо, что обусловлено сказочной спецификой. Причем для славянской традиции характерен вполне определенный внешний облик смерти, она «узнаваема». В этом отношении можно вести речь о мифоконцепте. В рассмотренных фольклорных традициях отмечается взгляд на смерть как на неотвратимое событие, прекращающее жизнь человека. При этом одновременно полагается, что не стоит покоряться смерти, с ней можно побороться и даже подружиться, вступить в родственные отношения, заключить договор, но подчиняется она Богу. Для человека характерны попытки высмеять то, чего он боится, и таким образом избавиться от страха. Поэтому как в сказке, так и в современной литературной традиции можно встретить даже юмористический взгляд на взаимоотношения со смертью.

Литература

Български народни приказки за змейове и самодиви. София, 2004.
Ковальчук Е. Г. Концепт «смерть» в поэзии В. Высоцкого // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 128–136.

Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2003.

Русские народные сказки / Сост., вступ. ст. и прим. В. П. Аникина. М., 1985.

Чешские и словацкие народные сказки. М., 1990.

Славянская трапеза: взгляд лингвиста

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Славянские языки, наименования приемов пищи, исходная система, семантика, этимология

Summary. In this paper we consider the lexical symbols system of meals in the Slavic languages. Offered variants of the reconstruction of the original system.

Культура питания — чрезвычайно специфическая область жизни любого этноса. Вместе с тем ей присущи некие черты, которые предположительно можно считать общечеловеческими. Речь идет, в частности, о приемах пищи в течение дня. Как правило, насчитывается три — четыре основных приема. По крайней мере, для славянского этноязыкового континуума, о котором идет речь, это бесспорно так. Нами рассмотрены лексические обозначения трехчленной системы, т. е. завтрак — обед — ужин, на материале современных славянских языков.

При анализе языковых фактов обнаруживаются признаки двух систем. Одна из них объединяет западнославянские языки и два восточнославянских (украинский и белорусский), которые также тяготеют к западу Славии и в силу географического положения и вследствие исторических судеб. Среди названных языков наблюдается практически полное соответствие (с небольшими флуктуациями у польского и словацкого). К ним близок и болгарский язык, у которого два элемента из трех являются общими с западнославянской группой.

Вторая система представлена двумя языками (или тремя, если отдельно рассматривать хорватский, полностью совпадающий в этом отношении с сербским). Особняком стоят два языка: словенский (в котором практически лишь один элемент совпадает с системой других языков) и русский.

Далее обращает на себя внимание практически полное совпадение во всех славянских языках одного из элементов — это название вечернего приема пищи, что позволяет предположить его исконный характер. На втором месте по распространенности — лексема *обед* (в 7-ми из 10 рассмотренных языков), она же обладает наибольшей подвижностью в плане временной привязки.

Особой оригинальностью отличается русский язык, как литературный, так и его диалектные разновидности. В литературном русском имеются два элемента почти уникального характера. Это *завтрак* и *ужин*. Возможно, это сравнительно новые лексические явления, хотя они тоже неоднородны по причине относительной прозрачности и мотивированности первого слова и затемненности второго. Русские диалекты в своем архаическом слое знают слово *обед* в значении «утренний прием пищи». Это тем более удивительно, что в данном случае проявляется редкое единство двух наречий русского языка. Два других элемента в севернорусском наречии обладают характерной словообразовательной и смысловой связью: *паужин* (*паужна*) и *ужин*, где архаическая приставка *па-* имеет значение «недо-, как бы». Координационная пара (но другого типа) отмечается только в сербском и македонском языках: *доручак* и *ручак*. Южнорусские говоры при наличии утреннего *обеда* для дневного приема пищи имеют слово *полдни*, а для вечернего — *вечеря*, что представляется вполне логичным. Эта система подкреплена также глаголами *полуножать* («обедать») и *вечерять*.

Сохранение этимологических и словообразовательных связей в словах *завтрак* и *вечеря* обуславливает их временную прикреплённость (*полдни* тем не менее демонстрирует некоторое смещение). Лексема *снеданье* также имеет прозрачную этимологию, хотя и не связанную со временем суток, это просто «еда» (ср. *снедь*). Наибольшую подвижность проявляют *обед* и *ужин*, особенно первое из этих слов. Кроме уже названных понятий, *обед* может обозна-

чать и более поздний прием пищи, ближе к вечеру. Такова современная западноевропейская (французская, английская) традиция.

Таким образом, при рассмотрении славянского континуума в целом мы видим размытость семантики отдельных слов, или семантические сдвиги, происходившие в пределах смежных понятий.

Разнообразие имеющегося материала заставляет поставить вопрос о возможности / невозможности реконструкции исходной системы. Представляется, что для ее экспликации можно предложить три гипотезы (с учетом семантики и возможной этимологии).

1. *Снеданье* (просто еда) — *обед* (сакральная еда) — *вечеря* (вечерняя еда). Этот вариант наиболее распространен, он отмечается в западнославянских языках, украинском и белорусском. Вопрос лишь в том, можно ли считать наиболее типичный вариант исходным, самым архаичным.

2. *Обед* (просто еда) — *полдни* (дневная еда) — *вечеря* (вечерняя еда). Это южнорусский вариант, наиболее логичный. (Жаль только, что естественные языки, как правило, не отражают формальную логику.) В пользу гипотезы об исконности обеда как утренней трапезы свидетельствует также слово *обедня* — церковная служба, начинающаяся утром.

3. *Обед* (просто еда) — *паужин* (еда перед ужином) — *ужин* (основная еда). Это севернорусская версия, где обнаруживаются словообразовательные связи внутри системы и ретроспективный взгляд. Кроме того, следует отметить, что трактовка ужина как основного приема пищи согласуется с народной культурой питания, когда трапеза не предшествовала периоду работы, а завершала его.

Можно предположить, что появление слова *завтрак* в русских диалектах (как северных, так и южных) вызвало смещение остальных элементов. Таким образом, мы получили четырехчленную систему (менее архаическую) *завтрак* — *обед* — *полдни* — *вечеря* / *ужин* (южнорусская) или *завтрак* — *обед* — *паужин* — *ужин* (севернорусская). Отсюда недалеко до системы, сформировавшейся в литературном русском языке. Само слово *завтрак* традиционно производят от *за-утрок*, где приставка *за-* имела архаическое значение «в течение». Однако, на наш взгляд, возможна и другая этимология, связанная непосредственно с семантикой наречия *завтра* (*за-утро*): *завтрак* — это пища, которую готовят с вечера на следующий день, чтобы взять ее с собой, например, в поле. Представляется, что это вполне мотивированное объяснение.

Дифференциальными семантическими признаками, формирующими значение наименований приемов пищи, являются следующие: а) темпоральность — связь со временем суток (*завтрак*, *полдни*, *вечеря*); б) профанность / сакральность (возможно); в) релятивность — отношение к другим приемам пищи (*паужин* — *ужин*, *доручак* — *ручак*).

Предполагаем, что наличие трех систем, каждая из которых может претендовать на исконность, свидетельствует о том, что в общеславянскую эпоху вряд ли существовала четкая организация приемов пищи в течение дня, закрепленная в соответствующих лексических обозначениях. Были, вероятно, лишь отдельные словесные указатели с нечеткой семантикой, к ним в первую очередь следует отнести *обед*. Дальнейшая дифференциация происходила, очевидно,

в период формирования славянских языков и осуществлялась одновременно и на основе некоторых общих критериев, и индивидуально в каждом языке. Наибольшее своеобразие русских диалектов в этом плане объясняется их периферическим положением в славянском мире. Возможно, это привело к консервации одной из архаических систем. Бли-

зость в этом отношении украинского, белорусского и западнославянских языков еще раз говорит об условности традиционного подхода к членению славянских языков на основе фонетических и морфологических фактов. Лексические данные зачастую позволяют нарисовать гораздо более сложную картину.

Иноязычный прототип в славянских языках: особенности рецепции

Н. В. Габдреева

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева (Казань, Россия)

Модели, семантическая рецепция, прототип, заимствования

Summary. Some models describing the processes of reception in Slavonian languages during borrowing of one prototype are analyzed in the report.

Одной из проблем, к которой неоднократно возвращался И. А. Бодуэн де Куртенэ, было «смешение» языков, обусловленное политическими, экономическими, культурными контактами народов. По мнению ученого, языковое смешение может быть различных степеней, определялись две его крайности: смешение без всякого видимого следа в языке-рецепторе и языковая денационализация. Очевидно, что существует целый гетерогенный пласт между этими двумя полярными позициями. Мы рассмотрим некоторые модели, отражающие особенности ассимилирующего воздействия языков-рецепторов (русского, польского, украинского) при заимствовании одного прототипа. Лексема *партер* была заимствована обоими языками из французского в XVIII веке, в котором функционировали основное значение ‘цветник’ и переносное ‘задние места в зрительном зале’. Ядерная сема ‘нечто, находящееся на земле’ сохранена обоими языками. В русском языке XVIII века семантическая структура галлицизма была представлена перераспределенным по значимости комплексом значений: основное — театральные термины ‘задние кресла зрительного зала’ (места дешевые по сравнению с передними местами, которые были дорогими и назывались кресла, пространственное расширение отмечается во 2-й пол. XX века), второстепенное ‘цветник’, архаизированное к концу XVIII в. В современном русском языке отмечается наращение значений: партер — спортивный термин в классической борьбе. В польском языке при сохранении ядерной семы наблюдается семантическая деривация — на первый план выходит резвившееся значение ‘нижний этаж’, которое дает ряд производных: *parternia* ‘место консьержа или хранителя ключей’, *parterowy* ‘одноэтажный дом’. Нумерация этажей в русском языке не совпадает с европейской, где нижний этаж (фр. *rezdechaussee*, польск. *parter*) обычно считается нулевым.

Аналогично семантически адаптируется слово *магазин*: сохраняется основная сема ‘место хранения, собрание чего-

либо’. В русском языке XVIII века весьма распространены контексты *магазин памяти, рукописей, продуктов, оружия*, однако в XIX в. происходит метонимический перенос: место, где хранят и продают что-либо. В польском языке на первый план выходит и сохраняется основная сема: *magazyn* ‘склад, хранилище’, *magazynowy* ‘складской’, *magazynowac* ‘хранить на складе, копить’.

Таким образом, можно наблюдать, что при заимствовании одинаковых прототипов в русском и польском языках при сохранении основной центральной семы происходит перераспределение периферийных сем, которое находит выражение в развитии новых значений и различных семантических модификациях.

Другая модель представляет собой редукцию прототипа в русском языке на более позднем этапе с сохранением и образованием семантических производных в польском и украинском. Иллюстрацией является французское *sense*, заимствованное в русский язык в Петровскую эпоху. Знаменитое кредо переводчиков того времени «хранить сэнс от сенсу». Судьба слова в русском языке была недолговременной: к концу XVIII века оно выходит из активного словоупотребления. Однако в украинском и польском языках прототип закрепляется и функционирует до настоящего времени: польско-русский словарь Р. Стыпулы приводит *sens* ‘смысл’, см. также цитату из перевода «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери на украинский язык: *Колись у цьомубувсенс* [Экзюпери 1976: 48].

Третья модель иллюстрирована процессом сохранения французских лексем в трех языках с семантической структурой прототипа, это русско-польско-украинские корреляты: *миллион* — *million* — *мільйон*, *коллекция* — *kolekcja* — *колекція* и др.

Литература

Сент-Экзюпери А., де. Маленький принц / Пер. на укр. яз. А. Жаловского. Киев, 1976.

На стыке языков и культур: проблемы перцептивной лексикографии

Т. В. Гамалей

Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

Перцептивная лингвокультурология, опыт создания словаря нового типа

Summary. This subject examines themes related to the experience of creating a new type of perceptual linguistic-cultural vocabulary.

Перцептивной лингвокультурологией мы называем направление в лингвистике, ориентированное на изучение особенностей приема и интерпретации русской речи нерусскими, причем под русской речью в этом случае понимается не элементарный коммуникативный код, а совокупная концептосфера, опирающаяся на исторический и культурный опыт нации. Можно констатировать, что в регионах России с преимущественным нерусским населением сформировался новый тип языкового сообщества, члены которого, формально владеющие русским языком с рождения, имеют в своем сознании в значительной степени трансформированный набор концептов.

Проблемы лингвокультурологии определены как одно из приоритетных направлений в современной лингвистике,

поскольку оно направлено на изучение, по В. Н. Телия, «действия языка в человеке», то есть исследует язык в антропологической парадигме. В зоне контактирования русского и — в особенной степени — неславянских языков РФ изучение феномена наложения картин мира носителей и пользователей языка, с выявлением ареалов расхождения, позволит сделать не только собственно лингвистические наблюдения, но и социально-психологические выводы, ориентированные на предвидение и преодоление культурно-ментальных отличий и противоречий между русским и иными народами, населяющими Российскую Федерацию. Известная идея Г. О. Винокура о том, что «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется», получает в этом случае не только привычную функциональную интерпрета-

цию, она направляет внимание исследователей к характеристике явлений языка, связанных со специфическими условиями его употребления.

Лексикографический опыт формирования культурологической компетенции посредством языка представлен в первую очередь лингвострановедческими и лингвокультурологическими словарями, среди которых наиболее авторитетными могут быть признаны, в частности, лексикографические издания «Большой фразеологический словарь» под ред. В. Н. Телия (с теоретически значимыми Предисловием и Послесловием) и словарь «Русское культурное пространство» (под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова). Построенный во многом с опорой на эти издания (и выполненный в формате, определенном теоретическими разработками виднейших отечественных и зарубежных лингво-

культурологов), перцептивный лингвокультурологический словарь шире по своим возможностям, поскольку в нем будет реализован принцип двусторонней перцепции, определен круг потенциальных коммуникативных неудач, связанных с ареальным несовпадением языковых картин мира, формируемых носителями русского языка и его пользователями. Такой словарь по своей сути диалогичен, направлен на мир человека, обратившегося в своей речи к русским, славянским культурам, но имеющего собственный опыт мировосприятия, в результате образуется эффект «мерцания смыслов», порождается градуированное несовпадение интенции и реализации, от незначительных отклонений, связанных с легкими смысловыми смещениями и коннотативными заблуждениями, до фактов агрессивного неприятия чуждой системы ментальных и культурных ценностей.

Речевые жанры «поздравление» и «пожелание» в русском, польском и словацком языках

В. Гладров

Берлинский университет имени Гумбольдта (Берлин, Германия)

Сопоставительное изучение, речевые жанры, сходства и различия, соответствия

Summary. The paper analyses differences and similarities in the use and expression of the speech acts «congratulation» and «wish» in Russian, Polish and Slovak.

1. В докладе ставятся следующие задачи:

- рассмотреть сходства и различия в речевом поведении при языковой реализации речевого жанра «поздравление» в русском, польском и словацком языках;
- исходя из того, что в России и Словакии, например, поздравляют с днём рождения или с именинами, а в Польше не поздравляют, а, скорее, желают счастья и благополучия, попытаться выяснить, являются ли речевые жанры «поздравление» и «пожелание» синонимами или можно установить дифференцирующие признаки речевых жанров «поздравление», с одной стороны, и «пожелание», с другой.
- так как пожелать можно хорошего и плохого, решить вопрос, являются ли данные высказывания двумя разновидностями одного и того же речевого жанра «пожелание» или за ними скрываются два разных речевого жанра.

2. Речевой жанр «поздравление» употребляется в русском, польском и словацком языках нередко в идентичных ситуациях, например, тогда, когда говорящий в своём высказывании выражает свою симпатию по поводу события, которое для адресата является успешным, ср.

- (1) *Поздравляю Вас с успешной защитой диссертации.*
- (2) *Serdecznie gratuluję pani zdanego egzaminu.*
- (3) *Gratulujem Karlovi k víťazstvu.*

Предложенное для интерпретации данного речевого жанра определение А. Вежбицкой является вполне точным:

«Поздравляю = Зная, что ты сделал так, что с тобой произошло нечто хорошее, предполагая, что тебе из-за этого приятно, желая сделать так, чтобы ты знал, что мне тоже приятно,
я говорю: мне тоже из-за этого приятно»

[Вежбицка 1985: 270].

Но Вежбицка обобщает это определение на все случаи поздравления и отграничивается от классического и, притом, более общего определения Г. В. Лейбница, которое не указывает на активное участие адресата в приятном событии. А. Вежбицка пишет:

«Дефиниция глагола *congratulari* как “testari eventum tibi gratum etiam nobis gratum esse” (поздравлять — ‘заверять, что событие, приятное тебе, приятно также и мне’), предложенная Г. В. Лейбницем, близка к дефиниции Дж. Р. Серля (хотя и более точна); мне кажется, оба не замечают того факта, что “eventum tibi gratum” (‘событие, приятное тебе’) должно быть каким-то образом каузировано адресатом, так, чтобы оно рассматривалось как его достижение» [Вежбицка 1985: 271].

Эта дефиниция вполне чётко отражает языковое поведение в Польше. Однако, дело в том, что в русском и словацком языках существуют ситуации поздравления, которые данным определением А. Вежбицкой не охвачены, так как в них не наблюдается заслуги адресата. Для России и Словакии это такие события, как день рождения, именины, день свадьбы, рождение внуков и т. д., ср.:

- (4) *От всего сердца поздравляем тебя, Таня, с днём рождения.*
- (5) *Prešovski futbalisti gratulovali trénerovi k narodeninám.*

Только в России поздравляют с религиозными и государственными праздниками. В России даже приятные события как первый снег, солнечный день или первые весенние цветы могут быть поводом для выражения «поздравления».

Таким образом, получается, что в идентичных ситуациях, например, по поводу религиозного праздника, употребляются различающиеся речевые жанры. Это значит, что, например, в России с Рождеством поздравляют, в то время как в Польше и в Словакии по этому поводу передают добрые пожелания.

- (6) *Сердечно поздравляем вас с Рождеством Христовым.*
- (7) *Życzę Tobie zdrowych i spokojnych Świąt Bożego Narodzenia.*
- (8) *Veselé Vianoce a šťastný nový rok vám praje Boris Svetlík.*

Хотя оба речевых жанра в иллокутивном значении близки, они не идентичны. Коротко говоря, прагматической интенции русского говорящего при поздравлении «Событие, приятное тебе, приятно также и мне» противостоит прагматическая интенция при пожелании «Пусть с тобой случится нечто приятное» польского и словацкого говорящих. Прагматическо-семантическая близость поздравления и пожелания основывается в этих ситуациях на идентичном поводе высказывания. В этой связи «поздравление» и «пожелание» часто употребляются последовательно (ср. [Pisarek 1995: 135]; [Формановская 2009: 216]). Но это не означает, что употребление разных речевых жанров в идентичных ситуациях в русском, польском и словацком языках может быть причиной для того, чтобы говорить о синонимическом характере «поздравления» и «пожелания». «Поздравление» и «пожелание» являются не синонимами, а чётко различающимися речевыми жанрами.

3. Приведённая дефиниция речевого жанра «пожелание» А. Вежбицкой направлена на что-то положительное для адресата: «Я хочу, чтобы с тобой случилось нечто приятное, хотя не могу этому содействовать». Кроме этого, встречается мнение, которое определяет речевой жанр «пожелание» шире в том смысле, что можно пожелать как хорошего так и плохого (ср. [Гловинская 1993: 211]). Однако так называе-

мое негативно пожелание является самостоятельным речевым жанром, потому что здесь речь идёт о речевом жанре «проклятие».

Специфическая прагматическая семантика речевого жанра «проклятие» заключается в том, что говорящий и адресат исходят из того, что произнесение формулы как бы способствует осуществлению названного положения дел. Этого основанного на суевии значения у речевого жанра «пожелание» нет. При «пожелании», как было нами установлено, говорящий исходит из того, что не сможет содействовать осуществлению данного положения дел. Если учесть магическую силу слова, то противоположным позитивным речевым жанром «проклятию» является не «пожелание», а рече-

вой жанр «благословение», который обращается к божественной власти и просит милости и спасения для адресата.

Литература

- Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 251–275.
- Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. М., 1993. С. 158–218.
- Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М., 2009.
- Pisarek L. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Wrocław, 1995.

Етномотиви в училищните пособия

Д. Добрева

Технически университет г. Варна (Варна, България)

Фолклор, етнология, етномотиви, славянска идентичност, училищни пособия

Summary. The following paper emphasizes the need for employing Slavic folklore motifs in the artistic design of school materials.

Целта на представения труд е да се акцентира върху необходимостта от присъствието на славянски етномотиви в художественото оформление на училищните пособия, включени в българските учебни програми с оглед на етнокултурното съзнание през XXI век.

Обект на изследване в представената работа са училищните пособия (учебници, учебни помагала, упражнителни тетрадки, училищна мебел — чинове, шкафове, ученически раници и учебни аксесоари) за учениците от I–IV клас.

Необходимостта от това изследване се определя от редица факти:

- до този момент липсват изследвания по темата;
- навлизане на чужди идоли в художественото оформление на учебните пособия;
- липса на славянски модели (тенденции в художественото оформление на училищните пособия).

Трябва да уточним, че с термина училищни пособия обозначаваме всички необходими за обучението учебници, учебни помагала, предмети, мебели-чин, шкаф и аксесоари.

Училищните пособия са съществена част от процеса на обучение, тъй като учебниците, мебелите, аксесоарите са неделима част от училищния интериор.

Проучванията ни показват, че през последните години върху учебните тетрадки (като първи тип пособия), ученическите раници, аксесоарите се отпечатват популярни анимационни герои или тийнейджърски идоли, като Хана Монтана, Хари Потър, Мики Маус, Спанджи Боб, Спайдърмен, Пепеляшка. Например, цяла серия тетрадки от 60 листа е посветена на животни, които са изписани на английски език: Turtle, Little Pony.

На мнение сме, че вместо толериране на чужди мотиви, успешно може да бъде представена линия от учебни тетрадки, аксесоари, раници, комплекти за рисуване с елементи от славянските фолклорни традиции. По този начин сред учениците ще се провокира интерес към фолклорните традиции, което от своя страна, води до национално самосъзнание, славянска идентичност, национална принадлежност.

Етнографията, фолклорът и традициите имат важно значение за нас с оглед самоопределянето ни като славяни и българи. Фолклорът и неговите традиционни елементи е едно от най-влиятелните средства за възпитанието и развитието на децата във физическо, умствено, интелектуално и социално отношение. Логично се поражда въпроса кои фолклорни традиции да се приложат. Според нас славянските модели, в частност българските образци могат да бъдат пример за подражание и повод за национална гордост. Например вместо чуждопоклонничеството към Хана Монтана, Хари Потър, могат да се подберат герои от легендите и българските приказки като Крали Марко, самодиви,

Хитър Петър. Те могат да заменят търговските серии върху етикети, учебни подвързии, учебни тетрадки и други аксесоари. Тази стратегия би оформила уважение към собствените фолклорни традиции.

Принтът върху раници, чанти, несесери (като втори тип пособия) може да изобразява флорални елементи от българската традиционна шевица, българската бродерия или дантела.

Фолклорната традиция може да докосне и заобикалящата среда на учениците. Като трети вид пособия ще акцентираме върху дизайна на интериора и предметната среда. Например, успешно могат да се използват орнаменти и мотиви от Тревненската резбарска школа. Те могат да се проектират върху дървени чинове, столове, шкафове. От същата Тревненска школа може да се възприемат мотивите от иконописата, елементи от която може да се изографисат върху стени на класната стая и коридорите в училищата.

Образите на Кирил и Методий са изографисвани още през XIX век. Доказателство за това се намира в църквата «Архангел Михаил» в Трявна. Там се намира голямата икона от Цоню Симеонов. С разпространението на образите на Кирил и Методий от Тревненската школа се вдъхновява всенародна почит към българските първоучители. Тази трогателна почит към Кирило-Методиевото дело може да се вдъхновява и днес, именно чрез изобразяването на славянските просветители като стенописи в училищната среда.

Друга интересна идея, която може да се предложи е изобразяване на илюстрации с традиционни празници, традиционни носии, български забележителности върху кориците на учебни тетрадки. Така се поддържа традицията към българския фолклор. При подбора на цветовото оформление на пособията, би могло да се следват предпочитанията на тревненските живописци — ярки цветове. Например, съчетаване на керемидена и винена боя с ярко синя; бяла и охра в няколко нюанса. Всички те създават яркост и весело звучене. Всички надписи да са на български, което показва възпитание към народностната принадлежност (пейзажи от България, манастири, битови мотиви — писани стомни, гърнета).

Композиционни принципи са представени чрез:

- геометрични фигури (линейна, шахматна със симетрично разполагане на правоъгълни (квадратни) полета. Те присъстват в традиционните костюми (престилка, кърпа, пояси), килими, черги.
- флорални мотиви — «дървото на живота» в съчетание на една или повече птици;
- мотивът «алафранга», характерен през Възраждането (стенопис, тъкан, керамични изделия);
- «архитектурни» мотиви- изображение на възрожденски селища, пресъздадени условно- стилизирано: силуети от

архитектурния «пейзаж» на Трявна, Копривщица, Пловдив и други.

Орнаментите на дърворезбата (второто направление в Тревненската школа) са геометрични, растителни — цветя, клонки, птици, фантастични животни.

Формирането на национална гордост е приоритетна задача за всеки от нас. В дух на патриотична славянска идентичност може да се възпитава всеки, който се докосне до българското историческо богатство.

Изводи:

- Етноелементите способстват за формиране на позитивно отношение към родолюбие, национални ценности, култура;
- Етноелементите допринасят за кореспонденцията между минало и настояще, като по този начин се запазва интерес към традициите;
- Фолклорната традиция въздейства и върху различни видове изкуства: литература, изобразително изкуство, графичен дизайн.

Лингвистическая интерпретация солярной символики в восточнославянском неоромантическом тексте

Л. В. Домиловская

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Языковой символ, языковая личность, лингвистическая интерпретация, А. Грин, Ю. Яновский

Summary. This work deals with the problem of Slavic neoromantic symbols' linguistic interpretation. The author analyses functional and semantic parallels of A. Grin' and Y. Yanovsky' solar symbols.

Исследование эстетической природы авторского художественного универсума, вербализированного в символическом слове, дает возможность интерпретировать интенциональную сущность языковой личности, и, следовательно, определить культурные доминанты авторского стиля.

Исходя из природы словесного символа, рождаемого в определенных художественно-литературных контекстах, возможно определение параметров его анализа. Это, прежде всего, системность функционирования языкового символа в творчестве писателя, эстетическая маркированность вербализированного авторского символа, особенности контекстного доминирования определенного символа в эстетическом сознании автора и, соответственно, определение лингвистического статуса речевой доминанты в исследуемом идиостиле.

Исследование лингвальных характеристик солярной символики в неоромантическом восточнославянском тексте соответственно предполагает проникновение в особенности формирования авторского языкотворчества, объединяющего общие и индивидуальные признаки языковой выразительности, обусловленные различными факторами.

Особенное значение для одного из представителей неоромантизма в русской словесной культуре, А. Грина, имеет символика *света*, что, по мнению И. К. Дунаевской, объясняется влиянием, прежде всего, христианской эстетики [Дунаевская 1988: 19]. Однако более правомерной является интерпретация солярной символики писателя в контексте взаимодействия славянской традиции и инокультурных (европейского, американского) влияний. Более того, в романе А. Грина «Алые паруса» доминанта солярной символики прочитывается в самом имени главной героини — *Ассоль*: «...устремленность туда, где «впереди солнце и рай», ибо ad solem в латыни означает «к солнцу» [3, с. 16]. Так, в языкотворчестве А. Грина представлена символическая параллель *солнце = принц*: «...Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. ...Так ты увидишь храброго красивого принца...» [Грин 1990: 67]. Отметим, что подобный ассоциативный ряд не чужд славянской языковой традиции, достаточно вспомнить перифраз, функционирующий в «Повести временных лет», *Владимир Красное Солнышко* (имя князя Киевской Руси).

Неотъемлемой частью Гриновского стиля является семантическая трансформация солярных символов (*солнце, звезды*) как нового этапа жизни, ассоциации с прекрасным: «...ты уедешь навсегда в блистательную страну, где восходит солнце и где звезды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом...» [Грин 1990: 89].

Не менее очевидна стилиобразующая роль солярной символики в языкотворчестве украинского неоромантика — Ю. И. Яновского. Например, *солнце* ассоциируется у Ю. И. Яновского с жизненной энергией: *Голови відажних погромників то хилилися аж до поводів, то підносилися вгору до бадьорої пісні сонця* [Яновський 1983: 254];

А на теплого Олекси сусіда виставляє з льоху бджіл на сонце... вилізе тобі таке кволеньке з колоди, обігрється на сонці і літає-літає, аж очі заболять на нього дивитися... [Яновський 1983: 339]; с прекрасным (как у А. Грина — Л. Д.): *Сев розповідає про жінку, що ніколи не бачила, як сходить сонце, і, проте, була гарної вроди* [Яновський 1983: 45].

Стоит отметить, что «камертонным» в контексте понимания солярной символики в исследуемых текстах славянских писателей является образ *девушки / женщины*. Возможный поиск семантико-стилистических параллелей отображает сложную иерархическую структуру языкового символа, указывая на основную характеристику неоромантиков — воспеание любви, женской красоты. Экстралингвистический материал подчеркивает аргументированный научными исследованиями тезис: А. Грин был «волшебником, лепившим прекрасный образ из ничего, алхимиком, демиургом, творцом магического *кристалла любви* (выделено нами. — Л. Д.), в котором сменяют друг друга все оттенки нежности» [Ковский 1968: 38]. Следовательно логичной является интерпретация символа *солнца* в идиостиле А. Грина как «божественного света, который вливается в сердца, преобразованные любовью» [Дунаевская 1988: 12]. Более того, в языкотворчестве русского неоромантика все приобретает «алые формы, полные роз»: символ *жизнь* функционирует в текстах А. Грина как *«алый огонь»*, что также показательно и для языкотворчества Ю. И. Яновского: *...людина все мгається... і, як парус, кличе проїти моря й проїти океани, припасти натомленим тілом до землі й дати сонцеві, дощам і вітрові робити їхнє діло* [Яновський 1983: 56]. Однако в языковом сознании Ю. И. Яновского доминирует эпитет-маркер *яскравий*, без точной колоративной характеристики: *...за вікном світило яскраве сонце, що стояло над самим обрієм* [Яновський 1983: 188].

Таким образом, лингвистическая интерпретация солярной символики позволяет аргументировать родство эстетико-языковой парадигмы идиостиля Ю. И. Яновского и А. Грина. Исследование фактического материала свидетельствует о полифункциональном статусе солярных символов неоромантического восточнославянского круга писателей, языковое творчество которых соотносимо с интеллектуально-эстетическим развитием славянского художественного слова в целом.

Литература

Горшков А. Я. Тайна соседства слов: Заметки о языке повести А. Грина «Алые паруса» // Русская речь. № 4. С. 3–8.
 Грин А. С. Алые паруса. К., 1990. 429с.
 Дунаевская И. К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина. Рига, 1988. 168 с.
 Ковский В. Романтический мир Александра Грина. М., 1969. 266 с.
 Яновський Ю. І. Твори: В 5 т. / Редкол.: І. О. Дзевєрін (голова) та ін. К., 1983. Т. 2. Романи / Упоряд. К. П. Волинський, М. Острик; Післям. М. Пархоменка. 424 с.

Преломление элементов самосознания современного казахстанца в русском языке

Л. К. Жаналина

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

А. А. Жаналин

Университет Южной Калифорнии (Лос-Анжелес, США)

Перенниалисты, конструктивисты, функционалисты, самосознание, нация, язык

Summary. Survey research of the national identity of Russian-speaking Kazakhstanis provides evidence for social and psychological nature of identity.

Активное обсуждение проблемы национального самосознания сопровождается процессами возрождения наций на постсоветском пространстве. Сложность ее решения отражает большой разброс мнений, как правило, сопровождаемый терминологической путаницей, которая не мешает попыткам их типологизации. Одна из них осуществлена одним из авторов данных тезисов.

Первое направление представляют перенниалисты. Эта школа мысли исходит из того, что все нации имеют естественные исторические корни, которые можно отследить в их мифах и истории, в летописях и прочих материальных источниках далекого прошлого. Согласно представителям данного направления главной составляющей национального самосознания является общность исторической памяти членов сообщества, нации. К данному направлению относятся генеалогисты, отслеживающие общность ДНК, цвет кожи и прочие физические характеристики людей. Одним из ярких представителей этой школы является Э. Смит [Smith 1995].

Ко второму направлению относятся конструктивисты. Они считают, что национальные чувства осознанно или неосознанно творятся самими людьми, апеллирующими к общности, идентичности культуры, языка. Это социальный, психологический подход, опирающийся на веру людей в наличие общей идеи и на убеждение, что она создает нацию вне зависимости от общих физических или исторических основ. Своим зарождением данное направление обязано Б. Андерсону [Anderson 1991].

Третье направление представляют функционалисты. Они отстаивают рациональный подход к возникновению наций, считая их результатом экономического развития. Формирование наций как необходимых общественных образований, согласно данному подходу, выступает в качестве фактора нормального функционирования развитой экономики. Такого мнения придерживается Э. Геллнер [Gellner 1983]. Сходное объяснение предлагает Дж. Бройи, который считает, что нация является необходимым государствообразующим социальным институтом, что ее возникновение имеет скорее политическую, а не экономических подоплеку [Breuilly 1983].

Наиболее аргументированной представляется позиция конструктивистов. Это подтверждает также проведенный нами ассоциативный эксперимент, в котором участвовали 243 алматинца (120 русских, 80 казахов, 13 украинцев, 11 татар, 6 уйгуров, 5 корейцев, 4 немца, по одному — курд, грузин, маньчжур, мордвин).

Основную часть опрошенных представляет учащаяся молодежь (студенты колледжа, бакалавры и магистры университетов). Охвачены также журналисты, учителя и др.

В качестве слов-стимулов были предъявлены слова: *Родина, патриотизм, нация, казах, русский*. В тезисах представлены результаты анализа реакций на слово «нация». Реакции составляют слова разных частей речи (доминируют существительные), реже словосочетания, предложения (среди словосочетаний и предложений преобладают устойчивые и крылатые выражения). Для анализа в связи с поставленной целью выявить отраженные в языке признаки национального самосознания и его истоки была разработана адекватная методика. На первом этапе осуществлялась систематизация реакций посредством их поэтапной группировки. Последовательно объединялись реакции: 1) повторяющиеся; 2) близкие по значению: а) синонимичные, б) представляющие анализируемое понятие «нация» под одним и тем же углом зрения.

Самый высокий уровень обобщения реакций представлен в группах реакций, отражающих категоризацию с опорой на аналитическую структуру понятий в их реальном, есте-

ственном осмыслении. Внутри каждой группы выделены типы реакций, которые раскрывают, с каким составом признаков хранится понятие «нация» в сознании респондентов. Они заполняют аналитически выделенные компоненты анализируемых понятий конкретными реакциями, которые в свою очередь классифицируются по более конкретным признакам понятия «нация». Эти конкретные признаки названы наиболее частотными словами-реакциями, которые и присваиваются в качестве имен типам реакций. Они даны в кавычках.

Общее количество реакций на стимул «нация» — 694. Они дают 4 группы реакций, из которых только одна (1 группа «идентификация нации» — 229 реакций) отражает непосредственное осознание респондентами национальной принадлежности, а три другие (2 группа «определение нации» — 322 реакции, 3 группа «способ существования нации в окружении других наций (отношения нации с другими нациями)» — 107 реакций, 4 группа «состояние нации и способы, формы ее развития, в том числе организации» — 36 реакций) — рассмотрение нации как понятия. То есть нация предстает как реальность в первой группе («онтологически ориентированные реакции») и как понятие в остальных трех группах реакций («гносеологических ориентированные реакции»).

В первой группе идентификация осуществляется чаще через национальнообразующие признаки (94 реакции), реже через государствообразующие (25 реакций) признаки.

Во второй группе нация определяется двумя типами реакций — «общность» и «отличие». 2 тип (253 реакции) намного превышает 1 тип (69 реакций). В реакции «общность» также выделяются признаки национальнообразующие, которые ненамного превышают в определениях государствообразующие (37 и 32 реакции соответственно). Оказывается, что при национальной идентификации национальнообразующие признаки (94 реакции) более репрезентивны, чем при определении нации (37 реакции). При определении нации респонденты чаще опираются на «отличия» как признаки нации (253 реакции), чем на «общность» как признаки нации (69 реакций). Отличия как признаки делятся на 2 подтипа: объективно дифференцирующие (192 реакции) и оценочно дифференцирующие (62 реакции). При этом положительных оценок подавляющее большинство 58 реакций, а отрицательных всего 4.

Третья группа, включает реакции, отдаленные от ядра понятия, что отражает резкое снижение количества реакций (107 реакций) по сравнению с «определением понятия» (322 реакции) и «идентификация нации» (229 реакций).

Четвертая группа (36 реакций) включает наименьшее количество реакций, что свидетельствует об отнесенности компонентов «состояние нации и способы, формы ее развития» к дальнейшей периферии понятия «нация».

Таким образом, реакции на слово-стимул «нация» показывают, что для языкового сознания национальная идентификация уступает по представленности определению нации. При этом положительные и нейтральные реакции, утверждающие наличие нации и ее ценность, составляют безусловно подавляющее большинство. Отрицательных реакций по разным группам набирается всего 81 реакция из 694 реакций.

Литература

- Smith A. D. Nations and Nationalism in a Global Era. London, 1995.
Anderson B. R. Imagined Communities: Reflections on The Origin And Spread of Nationalism. 2nd ed. New York, 1991.
Breuilly J. Nationalism and The State. 2nd ed. Chicago, 1994
Gellner E. Nations and Nationalism. London, 1983.

Tradičná byzantsko-slovanská kultúra na Slovensku a jej areálové dimenzie

П. Женюх

Славистический институт им. Яна Станислава Словацкой академии наук (Братислава, Словакия)

Культурная идентичность, религиозная традиция, язык литургии, византийско-славянский обряд, эрекокатоллическая церковь в Словакии

Ареал распространения византийско-славянского обряда в Словакии предлагает широкие возможности для исследования культурных отношений. Часто эти отношения оказываются под влиянием принадлежности «наблюдателя» к определенной религиозной, конфессиональной среде. Этот аспект нередко считается одной из возможных предпосылок

возникновения стереотипных точек зрения на конкретное (местное) конфессиональное единство или культурно-религиозную традицию. В докладе мы попытаемся указать на некоторые стереотипные мнения на язык и культурно-религиозную традицию христиан византийско-славянского обряда в Словакии.

Основные лингвокультурные проблемы передачи ономастических единиц в художественном тексте при переводе с русского на иные славянские языки

С. А. Заболотная

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Перевод, ономастика, славянские языки

Summary. The paper is concerned on problems and general ways of transmission of proper names in Russian fiction works translated on Slavic languages, demanding special decisions, as they are closely related to Russian. The author mentions some points which have most influence on translator's choice of way of transmission.

При всей популярности переводоведения как научного направления на сегодняшний день следует отметить, что такая тема, как особенности представления имён собственных в переводе именно на славянские языки, в настоящий момент представляет собой определённую лауну в исследованиях. Действительно, в последние десятилетия растёт количество научных трудов, посвящённых вопросам перевода ономастических единиц, но славяноязычный материал остаётся практически не представленным. С другой стороны, в отдельных славяноязычных регионах — в особенности это касается мультиязычных и мультикультурных регионов, прежде всего Балкан — проблемы эквивалентности онимов в разных языках являются весьма злободневными и находятся в центре научных исследований [Момировска 2004], [Дучевска 2005], но при этом речь не идёт об онимах в контексте художественной литературы.

Между тем, интерес к родственным культурам и, в частности, литературам в славянских странах возрастает — отсюда потребность в адекватной передаче *nomina propria* в художественном тексте при переводе, тем более что для близкородственных языков намного выше вероятность восприятия большей части ономастических единиц, имеющих в языке перевода, как эквивалентных, в то время как по существу они будут являться псевдоэквивалентными [Гудков 2003: 143]. Так, имена *Евгений* и *Jewgeniusz*, *Варвара* и *Barbara*, хотя и представляют собой точные аналогии между собой, в русском и польском языках вызывают различное представление о персонаже. Различия эти в огромном количестве случаев рождаются и воспринимаются интуитивно — вот почему в развитии переводоведения ключевую роль сыграл практический опыт переводчиков художественной литературы.

При сравнении переводов одного и того же произведения на несколько славянских языков становятся заметны закономерности, связанные с выбором способа передачи ономастических единиц. Так, для переводов на македонский язык — один из самых молодых литературных славянских языков — характерна транскрипция онимов: *Кирјушка*, *Покљовкина* (рус. *Кирюшка*, *Поклёвкина*) с неизбежной утратой внутренней формы и коннотаций значимых имён и фамилий. Переводы же на языки со старой литературной традицией — польский, чешский — отличаются отказом от формальной передачи имён и максимальной степенью их адаптации к восприятию читателя со стремлением к сохранению смысла: польск. *Surylek*, чеш. *Křovakinová* (данные примеры демонстрируют адаптацию и на словообразовательном уровне).

Особую трудность для переводчика и интерес для исследования представляют славянские переводы тех произведений русской литературы, которые насыщены названиями

реалий, в том числе ономастических, определённой эпохи прошлого (так, неизменной популярностью пользуются в качестве исследовательского материала произведения М. А. Булгакова; приведённые ниже примеры также взяты из романов «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия»). К сожалению, такие именованья, как *петры*, *катеринки*, *Эйнем* (*коробка от Эйнема*), в настоящее время зачастую вызывают непонимание и у русского читателя, требуя комментариев. Тем не менее, примечания обычно не даются ни в русскоязычных изданиях, ни в славяноязычных переводах. При этом отсутствие комментариев, вероятно, в ряде случаев связано с тем, что в данном языке просто не сложилось соответствующей традиции. Для сравнения: в переводах произведений русской литературы на английский, французский языки подстрочные примечания к упомянутым реалиям, в том числе культурно обусловленным онимами, включаются в издания регулярно [Моисеева, Огнева 2003: 103]. В подобных случаях, когда значение ономастической единицы не является очевидным для читателя, применяется и описательный перевод или замена реалий, причём обязательно генерализирующая — последняя для славяно-славянского перевода представляет скорее исключение (один случай на пять проанализированных текстов).

Приоритетом для перевода остаётся сохранение имеющейся у большинства онимов в художественном тексте коннотации (*Соловки* — словацк. *Sibír*), хотя в отдельных случаях экстралингвистические факторы, связанные с тем или иным онимом или кругом онимов, не оставляют такой возможности, вплоть до неизбежной замены коннотации на противоположную: *Петлюра* у Булгакова: «воплощение мятежа, хаоса; негативная коннотация» — польск. *Petlura* «обещающий свободу; позитивная коннотация». В ряде случаев возникает новая коннотация: так, нейтральному *Haj-Turs* соответствует словацк. *Naj-Turs*, притом, что в словацком языке *naj-* — не только приставка превосходной степени, но и обозначение всего самого лучшего (ср. пожелание *Všetko naj!*). К счастью, в данном случае «прояснившаяся» коннотация не вступает в противоречие с авторским замыслом.

Итак, способы передачи ономастических единиц при переводах на славянские языки разнообразны, и даже формально простейший из них — транскрипция — может, как было продемонстрировано выше, создать условия для рождения в тексте новых смыслов. В целом разработка некоей оптимальной переводческой стратегии не представляется возможной как на сегодняшний день (поскольку каждый из принимающих языков и каждая из культур находится на своей стадии развития со своей степенью готовности принять данный текст), как и в принципе (в силу интуитивного характера не только и не столько передачи имён переводчиком, сколько восприятия их читателем).

Литература

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Дучевска А. За транскрипцијата // Актуелните состојби во македонскиот јазик. Скопје, 2005. С. 21–29.

Моисеева С. А., Огнева Е. А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации. Белгород, 2003.

Момировска М. Преведување на онимите // Стандардизацијата на географските имиња во Република Македонија. Скопје, 2004. С. 59–62.

О методических приемах школьного изучения произведений русской литературы в контексте культурных реалий Украины

Е. А. Исаева

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова (Киев, Украина)

Диалог культур, анализ, интерпретация, межлитературные взаимосвязи, культурные реалии

Summary. The paper deals with the problems of studying the Russian literature in Ukrainian schools. Particular attention is paid to the peculiarities of perception, analysis and interpretation of literature by students due to the social and cultural events in modern Ukraine. The article is involved into investigation of leading role of a dialogue, describes the need to highlight the different relationships between two closely related cultures, identifies the role of contact, typological and genetic literature relations.

Реалии современного мира с его многочисленными распряями и конфликтами, которые разгораются на политической, религиозной или национальной почве в том или ином уголке нашей планеты, свидетельствуют о необходимости формирования культурного плюрализма общества. Принцип диалога культур сегодня должен стать ведущим в процессе изучения литературы школы. Под диалогом культур понимаем взаимодействие культур на основе признания обоюдной самоценности. Реализация этого принципа будет способствовать воспитанию поликультурной личности, настоящего гражданина мира, сформированного в пространстве диалога. Диалог культур должен стать (по В. С. Библеру) способом мышления «человека культуры».

Поэтому одной из приоритетных задач изучения русской литературы в школах Украины является организация диалога с представителями других национальных традиций. Исходя из этого, при изучении программных художественных произведений необходимо освещать различные взаимосвязи разных национальных традиций, выявлять черты их своеобразия и общности, подчеркивая мировой контекст определенной национальной литературы, произведение которой изучается.

Поскольку все школьные курсы литературы в Украине (а это отдельные курсы украинской и мировой литературы, а также интегрированный курс родной (национальной) и мировой литературы) должны быть рассчитаны не только на формирование гражданина мира, открытого ко всем процессам, происходящим в современном обществе, но и (может быть, даже в первую очередь!) на молодого гражданина Украины, познающего и исследующего реалии своей страны, традиции родной культуры, поэтому в процессе обучения должна быть широко представлена информация о личностных, типологических и генетических связях то или иного писателя с Украиной.

Учитывая, что произведения русской литературы во всех школах Украины, как с русским, украинским, так и с другими языками обучения, изучаются в курсе мировой литературы, особое внимание должно быть уделено контактному, типологическим и генетическим межлитературным взаимосвязям. Обратим внимание, что во всех школах Украины параллельно изучается курс украинской литературы, поэтому особое внимание должно быть уделено взаимодействию двух близкородственных культур — русской и украинской. Среди факторов, способствующих такому диалогу двух культур, выделим такие, как генетический, территориальный (географический), социальный, религиозный и этический.

Поскольку одной из главных проблем какого-либо диалога является проблема понимания, обратим внимание на факторы, которые блокируют успешный диалог культур: наличие определенных негативных стереотипов, предубеждений этнического характера; восприятие чужой (другой) культуры с позиции ее второстепенности; наличие лакуна при восприятии другой культуры; размытость границ близкородственных культур (подчеркнув необходимость создания культурного «гиперпространства», укажем на такую проблему взаимодействия двух близкородственных культур в эпоху всеобщей глобализации, как необходимость сохра-

нения идентичности национальной культуры; отсутствие необходимых психолого-педагогических условий создания диалога (важно обратить внимание, что диалог противостоит авторитарности, единообразию и единоначалию, любым догматическим высказываниям, отрицает любые преимущества в провозглашении взглядов, подчеркивает необходимость множественности личностных позиций).

Среди видов диалога культур, которые могут быть реализованы в процессе изучения литературы, выделим диалоги с предшественниками и современностью, а также внутренний диалог (диалог, развертывающийся между определенными субкультурами какой-либо культуры) и внешний диалог.

Рассмотрим отдельные методические приемы организации диалога двух близкородственных культур в процессе изучения произведений русской литературы. Обратим внимание, что целесообразно использовать прием сопоставления оригинального текста произведения русской литературы с его переводом на украинский язык. Так с целью более полного восприятия и анализа оригинала художественного текста не следует отказываться от такого вида деятельности на уроке, как *стереоскопическое чтение*, которое предполагает внимательное чтение и анализ не только первоисточника, но и его переводных версий. Например, при изучении лирики С. Есенина внимание школьников целесообразно будет обратить на стихотворение поэта с подзаголовком «Из Тараса Шевченко», предложить сравнить оригинал и перевод стихотворения. Безусловно, важной будет информация о личных связях русских и украинских писателя, о пребывании русских авторов на украинской земле, об интерпретации художественных текстов русской литературы в произведениях других видов искусств украинских авторов (изобразительное искусство, музыка, театр, скульптура, графика и др.). Например, при изучении басен И. А. Крылова украинским школьникам интересно будет познакомиться с информацией о пребывании баснописца в Украине, о влиянии его произведений на творчество украинских писателей, о стихотворении украинского баснописца Е. Гребенки «Лавровый венок», посвященного Ивану Андреевичу. Или при изучении творчества Ф. М. Достоевского целесообразно будет рассказать о его влиянии на развитие украинской литературы. Безусловно, что важным методическим приемом изучения произведений русской литературы остается сопоставление разных литературных явлений (сравнение стихотворений М. Лермонтова «На севере диком» и Л. Первомайского «Самотній кедр на стромині...», русской и украинской поэзии «шестидесятников», прозы А. Солженицына и И. Багряного, а также многих-многих других произведений).

Таким образом, презентуя программные произведения русской литературы, необходимо освещать различные взаимосвязи разных национальных традиций, выявлять черты их своеобразия и общности, раскрывать роль украинских писателей и переводчиков для популяризации творчества того или иного писателя в Украине. Поэтому вопросы и задания на сопоставление разных литературных явлений, материалы о творческих взаимосвязях писателей, информация об украинских переводах произведений должны найти свое место в процессе изучения русской литературы.

Лики традиции в русской традиционной культуре

Г. В. Калиткина

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Традиция, традиционная культура, диалект, темпоральная семантика

Summary. The temporal component in semantic field of tradition is investigated on the dialectal material.

В гуманитарных науках XX век шел под знаком осмысления уникального культурного механизма — традиции. Сегодня традицией называют феномены самой разной онтологии: для одних авторов это понятие близко к понятию «культура», другие приравнивают его к мифологии, третьи низводят до обрядов. Какой же предстает эта сущность в типе культуры, концентрирующей, по мнению ученых, этнические черты, — в «традиционной культуре»?

На вопрос, что передают в качестве традиции носители культуры, каков транслируемый «материал», антропологи, социологи, философы предлагают ответ, безотносительный к этнической характеристике традиции. Передается выраженный каким-либо образом групповой опыт. Прежде всего его воплощают корпусы культурных текстов различных типов и разной онтологии, а также технология изготовления и практика использования вещей. Такой тезис отодвигает вещный план культуры на периферию, хотя само разделение ее синкретичной ткани на духовную и материальную составляющую не более чем условность со стороны исследователей.

Однако тексты диалектного дискурса (понимаемого как определенный социально-психологический контекст с типовыми коммуникантами) показывают, что сами носители русской традиционной культуры воспринимают традицию главным образом в акциональном аспекте. Иными словами, сколь угодно старинная песня — не традиция, традиция — петь ее в некоторых ситуациях. Традиция представлена широким спектром деятельностных проявлений от мало-важных хозяйственно-бытовых действий, свободных от какой-либо ритуализации, до действий, включенных в самые значимые обряды и, следовательно, жестко контролируемых общиной. Лексическая реализация концепта традиция в русских говорах Сибири объединяет общенациональные единицы, их диалектно-просторечные ЛСВ и собственно диалектные лексемы, которые обозначают действия независимо от степени их канонизации: *мода; обычай, обычь, завьчина, завьчка, навьчка; заведение, завидье, заведённое; закон; поверье, вера: У меня мода, в печке чтобы дрова были всегда; Вот уж как мода была оставлять сахар. А тогда откусишь и кладёшь опять на стол. А стакан переворачиваешь; Не было заведения самогон пить, все кабдину [водку] пили; Гоньбу гонял [занимался извозом], привязывали колокольцы, такя поверья была, видно, чтобы с колокольцами, а междудворку [перевозку должностных лиц силами крестьянской общины] без колокольцов; Цагуемся с ребятами [на вечёрках]. Осуда не было, поверья такя была; Нас было три сродных сестры, и все за братьев вышли, такая уж была завьчина; На первый день [Пасхи] всеношина кода идёт, это наши обычай стрелять из ружья; Подошла маслена, счас вот молодёжь запрягёт лошадей и по улицам. И вот катаются, целый день ездют по улицам. Это уж было заведённое; Раньше был закон такой — крёсна ходила сватать; Ну, у нас какой русский закон? Как похоронят, сразу на стол прилашают, а у них ндеперво, когда три дня отойдёт, тогда они всё перемоят, полы все, тогда они приглашают сами.*

Воплощающая традицию деятельность имеет темпоральные параметры, характеристики, ограничения. Ее связь со временем в диалектном дискурсе описывается на двух уровнях: во-первых, действия локализируются в конкретной точке (преимущественно) циклической модели времени, во-вторых, они интерпретируются в рамках темпорального императива «всегда (никогда)»: *В год раз скотине праздник. Вот у нас родители, мы хресьяны были, и мы в этот день хоть бы нам в еднь* [возвышенное место для покоса или

пашни] *ехать, мы бы не поехали никогда. Овса насыпет, муки [отец]. Даже чувствительно и скотине, кода пойдём поить коних, они играют; Стары делали завсегда, так и счас, и мы.*

Однако есть и третий уровень взаимосвязи традиции и времени. Представляется, что его вскрывает семантика «имен традиции». Именно он объективирует этническую ментальность. Итак, первое значение единиц *обычный, обыкновенный* — ‘постоянный (как всегда)’. Постоянно воспроизводимые элементы, процессы и атрибуты заполняют пространство повседневности, статичного «вечного настоящего», где реализуется *обычай*. Однако в диахронии у *обычая* были ЛСВ ‘образ действия, поведения’, ‘способ действия, прием’, ‘дело, занятие’. Историческая перспектива показывает связь *обычая* с *навыками*, которые всегда личностны. Обычай соотносит продолжительность традиции с рамками человеческой жизни.

По-иному сопрягаются с временными смыслами такие имена традиции, как *закон* и *заведение*. Первое существительное восходит к и.-е. корням **kon-* / *kep-* и связано с единицами *искони, начать, начало*. Ю. С. Степанов настаивает, что современное словарное определение *закона* ‘постановление государственной власти’ не соответствует национальной ментальности, что русский закон осмысляется как предел («неминуемое начало» в формулировке В. И. Даля). Вместе с тем наличием начала обусловлено и продолжение (или конец) — движение во времени. Имена *заведение, заведённое* образованы от *завести* ‘начать’, ‘вести в обиход’, иначе говоря, инициировать бытие. Закон и заведение равно способны отодвигать зарождение традиции за пределы личного опыта человека, тем самым трактуя ее длительность.

И только имена традиции *вера, поверье*, соотносящие ее с ярко аксиологически отмеченной денотативной сферой — религией, не имеют темпорального слоя семантики, принимая на себя все коннотации сакрального как невременного. Даже в диахронии у полисеманта *вера* не было ЛСВ с темпоральными семами (Словарь древнерусского языка помимо ‘религии’ отмечает значения ‘истина’, ‘поклонение’, ‘доверие’, ‘клятва’.)

Коммуникативно выделенным в современном диалектном дискурсе именем традиции оказывается *мода*. Динамика, «преходящесть» моды вербализована выражениями *мода отпала, отошла, прошла, бросилась, пошла, ворочается; моду подняли, взяли, бросили*, в то время как сменяемость (разрушение) традиции при обозначении ее другими именами по большей части репрезентируется только на уровне грамматических средств — формой сказуемого было (*есть*).

Имя *мода* при относительно недавней его рецепции из подсистемы языка, обслуживающего иной тип культуры, в говорах Сибири постепенно вытесняет остальные имена традиции. Слово-концепт *мода* испытало в системе диалекта семантические преобразования (*Ага, ворота мазали. Смолрой. Щибко мода была: как чуть маленько, так все столбы, всё обляпают; Невеста Андрея... Она спала там ходила у них в избушке. Тоже гыт... мода нынче* [жить вместе до свадьбы]), но, обогатив свой ассоциативный и оценочный потенциал, удачно вошло в фрагмент ЯКМ, объективируя все более заметную деформацию конкретных традиций. Мода одновременно подчинена времени, будучи скоротечной в своих проявлениях, и преодолевает его власть, оказываясь непреложно пребывающей в мире сущностью.

Языковые «лики» рассмотренного концепта удивительно точно отражают неоднородность темпоральной организа-

ции русской традиционной культуры, которая сейчас испытывает сильнейшее давление со стороны культурных пара-

дигм с обесцененной и усредненной этнической составляющей.

Этнокультурное сознание адресата речевого произведения и его интерпретационные стратегии

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Русское языковое сознание, вариативность интерпретации, интерпретационные стратегии, языковое доверие, языковой скепсис

Summary. The report deals with the semantizing activity of the addressee in the perception of the text, the used interpretation strategies of language trust and language scepticism being analysed. It is proved that the choice of the interpretation strategy, as well as the course and the result of the interpretation process, are determined by the ethnocultural consciousness of the addressee — interpreter.

В философских и лингвистических работах осмысление особенностей русского языкового мышления осуществляется через установление его детерминированности природно-историческими [Бердяев 1990], социокультурными условиями существования народа [Вежицкая 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Колесов 2004; Сепир 1993], а также взаимодетерминированности языка и языкового мышления [Зубкова 2006]. Доминантные свойства языка, проявляющиеся на разных участках его организации и функционирования, коррелятивны доминантным типам языковой личности в сфере языкового, метаязыкового и лингвистического мышления, проявляющиеся на шкале «чувственно-интуитивное — рационально-логическое», «целостное — дробно-аналитическое», «авторитарное — узуальное» и сложным образом взаимодействующие, тяготея при этом к первому из названных полюсов [Голев 2006].

Все сказанное имеет прямое и непосредственное отношение к речевым произведениям как результату ментально-креативной деятельности, во многом детерминированной этнокультурной средой и этнокультурными стереотипами; деятельности, осуществляемой языковой личностью посредством использования языковых единиц и языкового строя в целом.

Речевое произведение потенциально имеет множество смыслов, которые реализуются при его функционировании в этнокультурном пространстве субъекта-интерпретатора, т. е. каждое языковое выражение обладает потенциалом его полиинтерпретационного функционирования. Процесс смысловой реализации осуществляется на этапе встречной мыслительной деятельности адресата-интерпретатора, которая по своей природе есть не столько рецепция, т. е. механическое обратное действие декодирования замысла автора, сколько креативный и потому хотя и относительно самостоятельный и независимый, но культурно-обусловленный процесс по созданию собственного текста. Процедура реализации смысла и как ее результат — вариативность содержательных диктумно-модусных характеристик речевого произведения — обусловлена сложным взаимодействием инвариантных и вариативных лингвокогнитивных моделей в процессе рецептивно-интерпретационной деятельности: и типом языкового мышления адресата (этнокультурно-языковой фактор), и его личностно-индивидуальными особенностями (лингвоперсонологический фактор).

Задача нашего исследования состоит в подтверждении гипотезы о том, что при восприятии и семантизации текста разные типы субъектов-интерпретаторов проявляют склонность к реализации интерпретационной стратегии языкового доверия или языкового скепсиса при доминировании первого типа, отражая тем самым доминантные характеристики русского этнокультурного сознания и речевого поведения в целом.

Верификация этой гипотезы осуществляется методом лингвистического эксперимента, сущность которого заключается в том, что испытуемым предлагается прочитать текст и ответить на вопрос: *воспользуетесь ли Вы предлагаемой в тексте услугой?*

Материалом для эксперимента является следующий рекламный текст: *Курс «Английский одним прыжком льва» (Lion Leap English). Хотите овладеть английским языком профессионально и быстро!? Всего 12 занятий! Подготовленная английской речи с необходимым набором всей оперативной грамматики и лексики. Занятия обеспечивают изучающим уровень — upper intermediate, что соответствует 3-му курсу языкового вуза. Подробная информация по телефону: 8–326–855–4748.*

В этом тексте предлагается при минимуме усилий получить максимум результата, что не соответствует действительности, т. е. объективно текст содержит недостоверную информацию. Но такая черта русского человека, как стремление достичь желаемое быстро и без особых усилий, которая получила отражение в русском фольклоре и авторских сказках («По шучьему велению», «Сказка о рыбаке и рыбке») и на которую до сих пор делают расчет разработчики различных финансовых «пирамид», позволяет авторам подобных рекламных текстов привлекать доверчивых клиентов.

В процессе эксперимента испытуемые применили одну из двух интерпретационных стратегий — стратегию языкового доверия (*Все, что написано, истинно*) и стратегию языкового скепсиса (*Не верю тому, что написано*). Как показывают результаты эксперимента, в процессе интерпретации предложенного текста стратегию языкового доверия использовали 30% испытуемых, которые предложили следующие ответы: *Я воспользуюсь услугой, предлагаемой в объявлении. Само объявление меня заинтересовало, т. к. в нем сочетаются и хорошие услуги и приемлемое количество занятий.*

Стратегию языкового скепсиса использовали 70% испытуемых, предложивших следующие ответы: *Объявление не внушает доверия. Причем здесь прыжок льва? По-моему совершенно не связано. К тому же кто сказал, что английской речью можно овладеть за 12 занятий? Кроме того, указан мобильный телефон. Следовательно, не государственное учреждение. О каком профессионализме тогда может идти речь?*

Как видим, даже достаточно абсурдная, но многообещающая информация, содержащаяся в этом рекламном объявлении, воспринимается как достоверная и находит положительный отклик у определенной категории реципиентов. Стратегия языкового доверия, т. е. отношение к печатному слову, а также к слову, услышанному с экранов телевизора или по радио, как содержащему достоверную информацию, соответствует доминантному типу русской языковой личности.

Литература

- Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
 Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
 Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая гипотеза языка // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. С. 20–28.
 Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
 Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Образ черта в чешской культуре

Т. Лоикова-Насенко

Университет Я. А. Коменского (Прага, Чехия)

Черт в литературе, черт в кино, фразеология со словом черт

Summary. Devil is one of favorites and often meeting characters in the Czech literature and cinema. This devil is specific, and his actions mismatch its essence.

Одним из любимых и достаточно часто встречающихся персонажей в чешской литературе и кино является черт. Очень много детских сказок посвящены этому герою, поэтому дети уже с детства его знают. Образ черта не соответствует представлениям русского человека, он несколько специфичен, а чертовы деяния нехарактерны самой его сущности.

Образ черта не сходит с экрана телевизора во время рождественских и пасхальных праздников. На улице его можно встретить в сопровождении святого Николая и ангела, которые в день святого Николая приходят к детям не только в детский сад или в школу, но и в костел на праздничную службу. Детям за хорошее поведение за прошедший год ангел и черт раздают сладости, а за плохое — уголь, но перед этим дети еще должны им прочитать стихотворение, спеть или станцевать. Дети черта уважают и боятся. Взрослые его считают умным и справедливым.

Черт появляется среди людей, переодетый в человека, его трудно узнать в толпе. Его рога и хвост от сделанных им хороших дел уменьшаются, что позволяет ему полностью превратиться в человека. Он влюбляется в девушек и они отвечают ему взаимностью, не подозревая, кто он. Черт

может стать членом семьи и заботиться о детях, о благополучии в семье, предупреждать о несчастьях. Если в обществе есть плохой, испорченный прихотями человек, черт сразу же это узнает и постарается избавить общество от такого существа.

Что же могло заставить чешский народ изменить свое отношение к столь отрицательному, пугающему существу, дружить с ним, работать на него, пользоваться его услугами, выдавать за него своих дочерей, заключать с ним договор?

Причину возникновения таких взаимоотношений между человеком и чертом связывают с развившимся атеизмом в Чехии. Насильное внедрение католицизма, вероисповедание не на родном языке, а на латинском, неимоверное обогащение церковью за счет прихожан, все это легло в основу сопротивления, выросшего в гуситское движение.

Народ не боится ни бога, ни черта, народ не терпит несправедливости, лжи. Отсюда же возникает специфичная философия Швейка, в во фразеологии появляются выражения типа *Panenka skákavá, Ježíškové oči (brýle)* и др., которые своей антитезой и комичностью открыто показывают меру атеизма чешского народа.

Аспекты утицаја и дела Ф. М. Достојевског на религијску мисао и културу код Срба

С. Марковић, М. Кнежевић

Pedagoški fakultet u Somboru Univerziteta u Novom Sadu (Sombor, Srbija)

Достојевски, религија, филозофија, култура, Срби

Summary. The work represents a whole research on the impact of ideas, messages, motivations and knowledge generated in the works of F. M. Dostoevsky, on the work of the Serbian spiritual and cultural elite of the early 20th century.

Рад представља систематизовану целину истраживачке синтезе утицаја идеја, порука, мотива и сазнања остварених у делима Ф. М. Достојевског, а тумачених од стране српске духовне и културне елите с почетка 20. века.

- У првом делу рада осврнућемо се на друштвено-историјски контекст стваралачких исписа Ф. М. Достојевског као и на њихово савремено представљање у руској и српској књижевности али и друштвеним наукама попут историје, политикологије и социологије.
- Представитићемо најзначајнија стајалишта која је Достојевски заузео у вези са хришћанским смислом људског идентитета, смисла историје и поуке о будућности човечанства.
- Надаље ћемо се, у носећем делу рада, осврнути на утицај мисли Достојевског на стваралаштво два велика српска духовника Јустина Поповића и Николаја Велимировића. Реч је о трагању за осведочењем пута ка Богочовеку, насупрот изазовима странпутице Човекобога оличене у људској историји обезбоженој и установљеној на традицији раскола са правом и истинском хришћанском вером.
- Осим утицаја у српској духовној мисли, чије је представљање изазов по себи, хришћанска филозофија Ф. М. До-

стојевског оставила је неизбрисив траг и у тек откривеној филозофској мисли код Срба. То је очигледно препознату у стваралаштву самоуког српског филозофа и историозофа Божидара Кнежевића.

- Најопштији културни утицај дела Достојевског видан је у књижевном стваралаштву многих српских аутора, а ми ћемо се осврнути на утицај на дело Исидоре Секулић, истакнуте српске књижевнице која је као личност стасала у српској учитељској школи у Сомбору.
- На крају, на основу представљених форми утицаја Ф. М. Достојевског на духовно и уопште културно стваралаштво код Срба, склони смо да закључимо да постоји основ за препознавање парадигме његовог утицаја. Она се огледа у хришћанском морализму, боголикости човека, духовној самоспознаји, тешко доступном али остварљивом оптимизму оствареног човека, процесу узрастања кроз непредвидива искушења личности али и друштва, смислу историје кроз обожење људи и њихових социјалних заједница. Све то насупрот суноврату људске епохе, која је кроз империјализам егоистичних интереса, срљала у сопствени суноврат.

Обращения, обозначающие лиц женского пола, в динамическом аспекте (XX–XXI вв.)

И. А. Морозова

ФГБОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»

Обращения-феминизмы, микрополе, социокультурная классификация

Summary. Using the explanatory dictionaries of the different ages the author depicts and classifies the addresses-feminisms in modern Russian language. Its results define the changes in this micro-field during XX–XXI centuries.

В настоящее время наименования лиц женского пола (феминизмы) — одна из наиболее активно развивающихся лексических подсистем в современном русском языке, изменения в которой в большей степени происходят под влия-

нием внешних факторов. В рамках комплексного изучения семантического поля «Женщина» особый интерес представляет микрополе «Обращения, обозначающие лиц женского пола». Материалом исследования послужили лексические еди-

ницы, зафиксированные в толковых словарях XX–XXI вв. в качестве собственно обращений к женщине, девушке, девочке.

Традиционно под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [ЛЭС: 340]. Исходя из этого определения, считаем допустимым использовать для обозначения рассматриваемых единиц термин «обращения-феминизмы» как более краткий и акцентирующий внимание на семантике анализируемых единиц.

Внутри микрополя можно выделить следующие группы обращений-феминизмов:

1) Официальные апеллятивы (*госпожа, сударыня, дама, гражданка* и др.), многие из них до 1917 г. указывали на принадлежность к господствующим классам; в эту группу входят также слова-экзотизмы (*сеньора — сеньорита, синьора — синьорина, мадам — мадемуазель, миледи, мисс — миссис, фрау — фрейлейн, фру — фрекен* и др.), обозначающие вежливое обращение к женщине в других странах в зависимости от ее семейного положения (замужняя / незамужняя).

2) Неофициальные апеллятивы (*голубушка, дочка, сестрѐнка, девонька* и др.), которые представляют собой фамильярные, дружеские, ласковые обращения. Данная группа имеет больший количественный состав, отличается разнообразием.

Как известно трансформации в сфере обращений теснейшим образом связаны с историей народа, его культурными традициями, изменениями в жизни общества, поэтому актуальным остается исследование лексики обращений в социолингвистическом, лингвокультурном, гендерном аспекте.

Анализ выявленных обращений-феминизмов позволяет отметить следующие изменения в данном микрополе в период XX–XXI веков:

1) переход апеллятивов из разряда официальных в неофициальные (*барышня, сударыня, мадам, уважаемая*), при этом слова утрачивают компоненты, указывающие на принадлежность женщины к привилегированным сословиям, а приобретают новые денотативные и коннотативные семы;

2) использование в качестве официального обращения актуализировавшихся апеллятивов *госпожа, дама* (+ *Дамы и господа!*) и традиционного для советского периода *гражданка* (см. [БТС]);

3) утрата обращений *государыня, барыня* и т. п. (к лицам господствующих классов), при этом в словарях данные лексемы фиксируются с пометой *устарелое*;

4) появление и фиксация в толковых словарях 2-й половины XX века как нейтрального обращения феминизма *девушка* (с пометой *разг.*), который может употребляться по отношению к молодым женщинам;

5) расширение семантики апеллятивов *детка* (обращение к ребенку → к девушке, молодой женщине), *дочка* (ласк. к *дочь* → обращение пожилого или взрослого человека к девушке, молодой женщине), *девонька* (ласк. к *девочка, девушка* → обращение к молодой женщине), *мать* (обращение к пожилой женщине → к женщине, жене);

6) сужение семантики апеллятивов *душка, душенька, лапушка* (теперь только по отношению к женщине), *родимая* (*родная, милая, любезная* → обращение к матери) и др.;

7) изменение стилевой (прост. → разг. → нейтр.: *бабушка, мамаша, дочка, сестрица* и др.) и стилистической окраски (вульг. → фамильярн.; фамильярн. → ласк. и др.: *цыпочка, ягодка, сестричка* и др.) обращений-феминизмов;

8) подвижность состава неофициальных апеллятивов: с одной стороны, исчезновение таких единиц, как *маменька, милаша, милашечка, сударынька, хозяйшюшка* и др. (не фиксируются в словарях 2-й половины XX века), а с другой стороны, появление обращений *сестрѐнка, птичка, рыбка, цыпа* и др.

Трансформации в микрополе «Обращения, обозначающие лиц женского пола» обусловлены как внеязыковыми причинами, так и внутренними законами развития языка. Разрушение устойчивой системы обращений, существовавшей до 1917 г., и затем системы, сложившейся в советскую эпоху, демократизация языка, подвижность этикетных норм и влияние иноязычной этикетной традиции — все это привело к тому, что в настоящее время данное семантическое объединение носит неустойчивый характер. Можно предположить, что в системе русских обращений в целом будут происходить дальнейшие изменения.

Литература

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1999.
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

Как нам быть с непереводаемой лексикой?

Э. Ниами

Университет Святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Историзмы, советизмы, непереводаемая лексика, интертекстуальность

Summary. This article deals with the contemporary problems of translation from Russian into Macedonian language. The main goal is to give a clear picture and some possible answers of how to translate some terms from the era of the Soviet Union, untranslatable Russian words and to see how does the cultural specifics and possibility of their translation effects on the new (translated into Macedonian) text.

Теоријата на преводот, како самостојна научна дисциплина, во последно време привлекува големо внимание кај преведувачите, кај теоретичарите и воопшто во научната јавност. На почетокот оваа научна област со ситни и срамежливи чекори навлегуваше во теоретизирањето и разјаснувањето на некои прашања од областа на преводот и на преведувањето како процес, за денес таа да стане една од водечките дисциплини во науката за јазикот, која ревносно чекори напред, постојано исфрлувајќи на виделина нови проблеми, со што отвора поле за понатамошни лингвистички истражувања.

Во нашата работа ќе ја ставиме теоријата на преводот во функција на преведувањето од руски на македонски јазик. Но, главната цел нема да биде едноставно теоретизирање, ами ќе се фокусираме на некои детали во преводот, кои се засновуваат на семантиката и на функционалната логика.

Најпрво ќе бидат разгледани историзмите и советизмите, како дел од руската уметничка литература и нивното преведување во времето на Советската епоха и денес. Ова е особено интересно, зашто оттогаш до денес се изменети многу

нешта, пред сè во односите меѓу Македонија и Русија, односно меѓу СССР и СФРЈ. Овие промени, освен што се општествени, мошне силно влијаат (влијаеле) врз интерперсоналната комуникација, сфаќањата на македонските читатели, како и претставата за определени нешта и ствари од советската реалност.

Следниот вид безеквивалентна лексика е онаа, која во целост не му е позната на македонскиот читател (или, пак, преведувачот смета дека таа е непозната за пошироката читателска публика). Во овој дел ќе се фокусираме на одредени ситуации каде безеквивалентната лексика може да се предаде со некоја друга, слична, лексема од македонскиот јазик и ќе се разгледа оправданоста на овој метод.

Третиот тип всушност се засновува на културните разлики и на разликите во секојдневното меѓу македонскиот и рускиот народ, односно нивната пројава на семантичко ниво во функција на преводот во македонскиот и во рускиот јазик. Тука ќе биде покренато прашањето за културолошката наобразба на преведувачот, како и за неговата способност за спознавање на тие разлики, нивно детектирање и

начините на кои определен сегмент од текстот (или, пак, текстот во целост) можат да му бидат приближени на македонскиот читател.

Последната точка на интерес во нашето излагање ќе бидат дополнувањата, појаснувањата и уточнувањата при преводот од руски на македонски јазик. Ова е особено важно, со оглед на фактот дека определени нешта и ствари при преведувањето треба да бидат раширени, со цел читателот да може да добие јасна претстава за (про)читаниот текст.

Нашата работа ќе биде заснована на примери од руската уметничка литература и од публицистиката, а кои претставувале личен интерес во процесот на преведување на овие текстови од руски на македонски јазик.

Глаголы речи в плане сопоставительного изучения русского и латышского языков

С. Полковникова

Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)

Глаголы речи, семантика, сопоставление, перевод, эквивалент

Summary. Verbs of speech have been in the linguists' field of vision for several reasons that are logically related to the experience accumulated in lexicology, semasiology and other spheres of linguistics. Linguistic sources provide a rather complete description of the lexical and categorial semantics of verbs of speech, their functioning peculiarities, etc. However, several aspects of verbs of speech have not received detailed and careful consideration yet, but some of their facets have been totally disregarded or analyzed very episodically. An overview of research literature on verbs of speech reveals that a major part of studies is concerned with their semantic peculiarities and just a few works regard verbs of speech from the contrastive and functional perspectives.

Одним из способов установления межязыковых эквивалентов является простая выборка из исходного и переводного текста. Как отмечает известный чешский ученый И. Левый, репрезентативный выбор материала невозможен, так как могут быть единичные примеры. Поэтому целесообразно взять примеры из ограниченной группы произведений и собранные независимо от концепции книги [Левый 1974: 153].

Материальной базой данного исследования послужили рассказы и новеллы А. П. Чехова и их соответствующие переводы на латышский язык. В последние годы в лингвистике появилось значительное количество работ, посвященных исследованию лексики на материале различных языков, однако степень изучения лексики сопоставляемых языков может быть различной. В данном случае глаголы речи русского языка достаточно подробно анализировались в самых различных аспектах, на материале латышского языка такой анализ практически не осуществлялся.

Исследователь коммуникативной проблематики чеховских текстов А. Д. Степанов пишет: «Мир тотальной зависимости одного человека от другого, который изображает Чехов, заставляет большинство его героев выступать в роли просителей» [Степанов 2005: 363]. С этой точки зрения интерес представляют глаголы речи, репрезентирующие в художественном тексте семантику просьбы.

Итак, в оригинале микрогруппа глаголов со значением 'просьбы' представлена следующими лексемами: *взмолиться, выпросить, заклинать, запроситься, исхлопотать, молить, попросить, попроситься, приставать, просить, умолять*. Русский глагол речи *просить* является основным словом для выражения значения 'добиваться чего-либо у кого-либо; обращаться к кому-либо с просьбой, побуждая выполнить ее'. Сопоставительный анализ показал (более 70 примеров словоупотребления), что в переводных текстах русскому глаголу *просить* в большинстве случаев соответствует полный эквивалент латышского языка *lūgt* («просить»), но, как оказалось, не всегда последовательно. В некоторых случаях латышские переводчики, трансформируя контексты с глаголом *просить*, употребили глаголы *izlūgties* («выпросить»), *lūgties* («молить»), *lūgšus lūgt*, *lūgšus lūgties* (букв. «очень просить»), в структуру значения которых имплицированы адвербиальные семы 'интенсивно', 'продолжительно', 'долго', в результате чего в латышском переводе речевое действие становится более дифференцированным, чем в оригинале (редуцированные примеры), ср.: *я об одном прошу* (Попрыгунья); *es izlūdzos tikai vienu* (Vējagrābsle, пер. В. Гревиньш); *a on всё просит* (Крыжовник); *bet viņš lūgšus lūdz* (Ērkšņogas, пер. П. Калва); *прося прощения* (Палата № 6); *lūgdamies piedošanu* (Sestā palāta, пер. А. Рудзоро);

Литература

- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М., 2008.
 Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 2010.
 Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2007.
 Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. М., 2006.
 Македонско-русский словарь / Сост. Д. Головки, В. М. Иллич-Сви-тыч. М., 1963.
 Македонско-русский словарь / Под общ. ред. Р. П. Усиковой и Е. В. Верижниковой. М., 2003.
 Русско-македонский словарь / Сост. Н. Чундева, М. Најчевска-Сидоровска, С. Накев. Скопје, 1997.
 Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 2009.

как бы *прося* (Шуточка); *kā lūgšus lūgdamīs* (Jociņš, пер. Р. Эзера) и др.

Микрогруппа глаголов речи со значением 'просьбы' интересна и тем, что в ее составе имеются т. н. безэквивалентные единицы русского языка, перевод которых на латышский язык нередко создает серьезные затруднения. Одним из наиболее частотных безэквивалентных глаголов речи русского языка в анализируемых чеховских текстах является глагол *умолять*, эксплицирующий значение 'усиленно, горячо, страстно просить'. Переводчики, трансформируя контексты с глаголом *умолять* на латышский язык, употребили достаточно широкий круг соответствий. Чаще всего в переводе русскому глаголу *умолять* соответствует описательный перевод в виде глагольного словосочетания *loti lūgt* (букв. «очень просить»), а также *gauži lūgt* (букв. «горячо, страстно просить»), *lūgšus lūgt* (букв. «усиленно просить»), *no visas sirds lūgt* (букв. «от всего сердца просить»), ср.: *умоляю вас* (Хористка); *loti lūdzu* (Koriste, пер. Я. Озолс); *умоляю вас* (Ионыч); *gauži lūdzu jūs* (Joničs, пер. Я. Озолс); *Аня умоляла* (Анна на шее); *Аņa lūgšus lūdzās* (Anna kaktā, пер. Р. Эзера); *Умоляю!* (Невеста); *No visas sirds lūdzu!* (Līgava, пер. А. Гревиня). Необходимо упомянуть, что глагол *умолять*, будучи употребленным в конструкциях с прямой речью, придает высказыванию эмоционально-приподнятый характер, поэтому важно, что в некоторых случаях переводчикам удалось сохранить эту особенность и в латышском тексте.

В латышском переводе русский глагол *умолять* может соотноситься и с однословным эквивалентом, который, как показал сопоставительный анализ, является лишь частичным межязыковым соответствием. В большинстве случаев таким соответствием является латышский глагол *lūgt*, эксплицирующий общую семантику просьбы, следовательно, в переводе нейтрализуется семантическое различие между русскими глаголами *просить* и *умолять*, а также утрачиваются экспрессивные коннотации оригинала, ср.: — *Оставьте меня, умоляю вас* (Переполох); — *Lūdzu, atstājiet mani* (Arjūkums, пер. П. Калва).

Интересным оказался контекст с цепочкой безэквивалентных глаголов речи, обозначающих последовательные речевые действия, ср.: — ...*Уезжайте сегодня же, уезжайте сейчас...* *Заклинаю вас всем святым, умоляю...* (Дама с собачкой); — ...*Pie visa, kas jums svēts, lūgšus lūdzu jūs...* (Dāma ar sunīti, пер. Р. Эзера). Глаголы речи *умолять* и *заклинать* являются безэквивалентными и на латышский язык обычно переводятся описательно, в итоге обратный перевод данного контекста мог бы звучать следующим образом: ...*ради всего святого прошу, очень прошу*. Как видим, ре-

шение переводчицы Р. Эзеры опустить один из русских глаголов речи, с одной стороны, в контексте позволил избежать семантического повтора, но, с другой стороны, повлек потерю градации речевого действия.

Анализ одной микрогруппы глаголов речи показал, что, к сожалению, не все случаи перевода глаголов речи имеют системный характер, что, вполне естественно, влечет за собой неправильное, ошибочное толкование оригинала. Неадекватный перевод русских глаголов речи затрагивает, как

правило, глаголы, либо не имеющие в латышском языке равнозначного лексемного соответствия, либо объясняется индивидуальной интерпретацией переводчиком исходного текста.

Литература

Левый И. Искусство перевода. М., 1974.

Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005.

Čehovs A. Stāsti. Rīga, 1985.

Хитростта — этнохарактеристика на българина

Л. Попова

Технически университет — Варна (Варна, България)

Хитрост, ум, лъжа, доверие

Summary. The text interprets the role of the slyness in the system of values of the Bulgarian person, considering the proposition that this slyness is typical national characteristic. This thesis is given argumentation through analysis and interpretation of the popular stories with anecdote character for Hitar Petar (Sly Peter) and Nasreddin Hodja (remarkable characters from the Bulgarian folklore). The conclusion is also exemplified through some significant works from the Bulgarian classical literature.

Предложеният доклад интерпретира мястото на хитростта в ценностната система на българина.

Уводът разглежда културната стойност на доверието и хитростта в българската народопсихология.

Първата част на текста се фокусира върху отношението към хитростта, за да бъде обоснована тезата, че хитростта е етнохарактеристика на българина. Тази теза е аргументирана чрез анализ и интерпретация на приказките с анекдотичен характер за Хитър Петър и Настрадаин Ходжа. Изводът е илюстриран и чрез литературни творби от българската класика.

Втората част на доклада размишлява върху смисъла и употребата на думите УМЕН и ХИТЪР и върху оценката на

човешките характеристики УМЕН и ХИТЪР в днешна България.

Заключителната част на доклада отразява изводите, свързани с преобърнатите представи на българина за хитростта.

Разгръщането на идеята е структурирано чрез:

1. Традиционното мислене на българина за хитростта.
2. Приказките за Хитър Петър и Настрадаин Ходжа и хитростта.
3. Актуална употреба на определенията УМЕН и ХИТЪР.
4. Актуално оценяване на човешките характеристики УМЕН и ХИТЪР.
5. Визия за етноперспективата спрямо хитростта като ценност.

«Языковое сопротивление» новым ценностям в современной русской речи

Т. Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Русский языковой менталитет, аксиосфера в языке и вне языка, языковая экспликация ценностей, репрезентативные контексты

Summary. The paper treats certain peculiarities of language explication of axiological sphere in the modern Russian speech. The author shows how customary usage in ordinary speech resists innovation phenomena in sphere of values which new social and cultural practice in modern Russia imposes on native speakers of Russian. The fact is proved by word “behavior” in some revealed representative contexts.

Мы исходим из того, что необходимо разграничивать ценности индивидуального или социально-группового характера, которые выступают как феномены экстралингвистические, привносимые в узус авторитетными социальными движениями, политическими течениями или «давлением» СМИ, и ценности, которые непосредственно закреплены в сфере лексической и грамматической системы национального языка или речевой практики, узуса. Так, например, известно, что в современном обществе, в духе тенденций политкорректности и толерантности, формируется тренд терпимого и даже позитивного отношения, например, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, но естественный язык пока не отражает этих прогрессивных изменений, еще не выработал соответствующих номинативных единиц и коннотаций. При этом отметим, что существование обтекаемых эвфемизмов и других искусственных языковых образований как раз свидетельствует в пользу устойчивой негативно-оценочной коннотированности данных явлений, по крайней мере, в языке, в его «наивной аксиологии».

Примечательна глубокая характеристика подобной ситуации несовпадения — и даже полного расхождения — требований идеологии определенной части общества и личной системы оценок в языке, данная в известной монографии Н. Д. Арутюновой «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» (1988). Н. Д. Арутюнова показывает, как естественный язык словно сопротивляется попыткам философа Иеремии Бентама найти нейтральные дескрипции, столь необходимые для его теории, для таких отрицательных номинаций, как *сладострастие* и *скудость*. То, что автор считает хорошим, язык квалифицирует как дурное.

Сколько бы ни утверждал Бентам, что польза и благо — это одно и то же, язык с этим не согласится, и последнее слово в этом вопросе останется за ним.

Почему же последнее слово остается за языком? Да потому, что именно язык представляет собой спрессованный опыт многовековой интроспекции его носителей, т. е. то, что наиболее значимо и доказало свою жизнеспособность в процессе взаимодействия человека с враждебной средой, его духовной эволюции в истории и культуре, тогда как идеологиям и теориям свойственно ветшать и отмирать в борьбе с другими идеологиями и теориями.

Иными словами, расхождения между ценностями, декларируемыми в угоду модным идеологическим и культурным трендам или социальным реалиям, и их реальной оценкой в языке могут быть существенными. Так, в последнее время в отечественном социокультурном пространстве, во многом под влиянием инокультурных, западных образцов, активно пропагандируются исконно чуждые исконной для русской концептосферы ценности индивидуализма, карьеризма, амбициозности, утилитаризма и пр. Однако в языковой концептуализации указанных явлений обнаруживается их определенное отторжение, неприятие посредством возникновения нерелевантной, неосознанной отрицательной оценочности при употреблении номинативных единиц подобного типа.

В настоящей работе мы попытались обнаружить объективные языковые свидетельства, так называемые «репрезентативные контексты», способные выявить наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или позитивной, которая будет именно объективно языковой оце-

ночностью, заданной специфично языковыми средствами ее экспликации, независимо от «новейших» авторитетных идеологических, культурных или политических установлений.

К таковым контекстам следует, на наш взгляд, отнести употребление оценочного метаязыкового комментария *в хорошем смысле (этого) слова*. По нашим наблюдениям, его употребление в дискурсе является сигналом неявной, во многом неосознанной оценочной реакции говорящего на номинативную единицу, причем реакции сложной природы. Употребляя его применительно к определенным словам и выражениям, говорящий выражает тем самым свое сомнение в том, что без этого специального разъяснения, так сказать, «по умолчанию», адресат воспримет это слово или выражение в требуемом положительном оценочном регистре. Иначе говоря, слова и выражения, которые нормально, узуально и идиоматично сочетаются с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова* выступают как выразители языковой негативной оценочности особого типа.

Ср., например: *Да и в жизни он весьма рассудительный, прагматичный и расчетливый человек, в хорошем смысле этого слова*. Прилагательные *рассудительный, прагматичный, расчетливый* без «добавки» в виде *в хорошем смысле этого слова*, т. е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный компонент. Эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употребление неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* выступает здесь как своего рода оператор семантического преобразования лексемы, которая меняет свое значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но

это доказывает, что без такового преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали! Язык словно опровергает навязываемые ему либеральные ценности прагматизма и индивидуализма. Ср., например, языковое «тестирование» таких ценностей нового времени, как стремления к карьерному росту и «здоровый» индивидуализм: *Карьерист в хорошем смысле слова; Баста [рэпер]... стал еще большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова...* и пр.

Подобные аксиологемы мы характеризуем как **псевдоценности**. Дело в том, что подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы — антиценности) безусловны и аксиоматичны. Лишь псевдоценности могут быть «хорошими» только при определенных условиях, с каким-то ограничением или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией посредством метаязыкового комментария *в хорошем смысле слова*.

Еще одним репрезентативным контекстом, выявляющим возможное «языковое сопротивление» ценностям нового времени является контекст *погрязнуть в (чем-л.)*. Согласно наивной аксиологии русского языка, то, в чем можно «погрязнуть», «по умолчанию» следует рассматривать, выражаясь в духе А. Вежицкой, как «что-то плохое», даже если на уровне рационализации модных трендов люди могут считать это «хорошим». Наши многочисленные примеры обнаруживают «языковое сопротивление» миру новых ценностей посредством этого «разоблачительного» репрезентативного контекста: *Просто рок сегодня погряз в карьеризме и жажде нажиться; Реально мы погрязли в потреблении!; Вероятно, мир окончательно погряз в гламуре...*

Межъязыковая омофония как средство создания комического эффекта в русском языке (на фоне чешского языка)

Ю. В. Роговнева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Межъязыковая омофония, комический эффект

Summary. This paper is devoted to investigation interlanguage homophones in Russian and Czech languages. The material is confirmed by specific examples that create a comic effect for native Russian speakers.

Для современной языковой ситуации стран славянского мира характерно наложение системы родного языка на систему иностранного языка. В частности, во многих коммуникативных ситуациях предполагается хотя бы базовое знание иностранных языков. Соположение этих языков может создавать каламбурный эффект, лежащий в основе языковой шутки.

В славянских языках в конце XX — начале XXI века в связи с открывшейся для русских граждан возможностью поездок по миру, глобализацией и все большим усилением роли английского языка широкое распространение получило явление языковой игры, в основе которой лежит межъязыковая омофония. Она возникает тогда, когда нейтральное по значению слово иностранного языка похоже (или полностью совпадает) по своему звуковому облику слову родного языка, при этом имеет совершенно иное значение.

Практически в каждом языке существуют слова, омофоничные словам других языков. Пример шутки, обыгрывающей звуковое сходство слов и словосочетаний русского и английского языков: *Англичанин в билетной кассе: «Плиз, ту тикетс ту Даблин!» — «Куда, блин?!» — «Ту Даблин!»*

Славянские языки предоставляют богатый материал для исследования межъязыковой омофонии, поскольку в них достаточно большое количество однокоренных слов, похожих по звучанию, но различающихся по смыслу, что в некоторых случаях является возможностью для реализации комического эффекта.

Говорить о шутке можно лишь в том случае, если нейтральное по значению слово одного языка получает в другом совершенно иное значение. Особой популярностью пользуются омофоны, один из которых относится к обсценной лексике.

Например, чешское слово *hrad* («замок») не может послужить основой для создания комического эффекта, поскольку его русский омофон — *град* — относится к литературному языку. Возможна путаница понятий, но она не будет являться поводом для шутки.

Другой пример: в чешском языке есть слово *voňavka*, что в переводе на русский язык означает «духи». У наивного носителя языка такое соответствие вызывает смех, и это вполне объяснимо. В русском языке не осталось слов с подобным корнем в значении «хорошо пахнуть» (кроме слова *благовоние*), а чешский язык сохранил это значение корня. Так возникает межъязыковая омофония, которая становится основой создания комического эффекта.

Случаи подобной межъязыковой омофонии реализуют себя на уровне слова, словосочетания, предложения, высказывания. Очень часто поводом для шутки является побуквенное прочтение рекламных плакатов («транслитерационная» омография). В этом случае, как правило, игнорируется правильное произношение, быстро подбираются русские соответствия, имеющие совершенно иное или противоположное значение.

Вывеска *čerstvé potraviny* переводится на русский язык как *свежие продукты*, а не **черствая трава*, как это может показаться по звуковому сходству с однокоренными русскими словами. Именно поэтому данная надпись вызывает удивление или даже отвращение у русских туристов, которые не знают перевод словосочетания на родной язык.

Полученные путем буквенной забавы шутки становятся доступными в Интернете, приобретают популярность и воспроизводятся (почти как анекдот).

Один из самых известных примеров, который можно встретить на любом русскоязычном сайте об отдыхе в Че-

хии: *Несколько лет назад русские туристы хохотали до икоты, глядя на рекламные щиты «Кока-колы». Там красовалась традиционная замерзшая бутылочка, а надпись на щите гласила: «Доконали тварь» (чеш. Dokonalý tvor) Икающие от смеха русские не сразу и соображали, что в переводе с чешского сия надпись означает всего лишь мощный рекламный слоган — «Совершенное творение».*

Особо популярно среди русских туристов в Чехии чешское слово *pozor* («внимание»). Комический эффект вызывают следующие надписи с этим словом: *Pozor! Slevy!* («Внимание! Скидки!»); *Pozor! Policie varuje!* («Внимание! Полиция предупреждает!»); *Dejte si pozor* («Будьте внимательны!»).

Следует заметить, что практически все сочетания с чешским словом *pozor* кажутся смешными носителю русского языка, поскольку русский омофон *позор* очень удачно впи-

сывается в контекст чешской фразы, изменяя при этом ее значение, делая его комическим.

Заслуживают внимания и некоторые чешские географические названия, представляющие интерес с точки зрения межязыковой омофонии. Вот один из примеров: *Надпись на грузовике: «Masokombinát Pisek».*

Эта фраза может вызвать улыбку у русскоговорящего. Но название говорит не о материале, с которым работает этот мясокомбинат (значение слова *masokombinát* не вызывает сомнений, это слово, звуковое оформление которого не создает комического эффекта для носителей русского языка), а указывает всего лишь на его местонахождение — город Писек (форма И. п., м. р., ед. ч.) на юге Чехии. Но и это словосочетание заставляет улыбнуться носителя русского языка, поскольку в его родном языке есть омофон, который имеет иное значение.

Категория этничности в этнокультурном сознании жителей региона

Т. А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет (Сургут, Россия)

Категория, этнос, концепт, стереотип, картина мира

Summary. The report focuses on the category of ethnicity considered as one of the major categories of ethno-cultural consciousness which is regarded on the material of Perm region ethnonymy. The common ways of its expressing (conceptualization, stereotipizatsiya, association) are presented. The basic concept for the category «ethnic group» consisting of several conceptual areas is described.

Одной из существенных для этнокультурного сознания категорий является категория этничности — универсальная понятийная категория, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей народа.

Особенно интересно исследование категории этничности в этнокультурном сознании жителей отдельного региона, поскольку региональная картина мира имеет свою специфику, связанную с этноязыковыми особенностями его жителей. Материалом настоящего исследования послужили этнонимы (названия народов), функционирующие в речи жителей Пермского края.

Основными способами выражения категории этничности являются концептуализация, стереотипизация и ассоциирование. Названия народов — это концептуализированная предметная область языка и культуры, т. е. существует некое ментальное образование — концептуальное поле этничности. Ядром категории этничности является концепт «этнос», состоящий из концептуальных областей «язык», «внешний вид», «материальная культура», «духовная культура».

С понятием «концепт» тесно связано понятие «стереотип»: именно в стереотипах отражается интерпретация тех или иных базовых концептов, которая задается всей совокупностью бытовых, социально-экономических, социально-политических, исторических, природных, этнических, культурологических факторов. Концепты и их стереотипные интерпретации составляют, по мнению лингвистов, национальную когнитивную картину мира.

Стереотип — это стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос. Наряду с термином «стереотип» в этнологии используется термин «этнический образ» — форма краткого описания, в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом.

В этнокультурном сознании русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: *Были марийцы у нас. У них-то разговор свой.* Неумение правильно говорить получа-

ет у носителей говоров отрицательную оценку: *Все да не все правильно говорим. Челдоны-то челдоны и есть — необразованные люди.*

2. Типичные черты характера и поведения: *Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?.*

3. Занятия представителей определенной национальности: *Приезжали раньше-то гадали цыганки; Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые; Третное ткали только пермянки, — оне в шесть ниченков, а мы — в три-четыре.*

4. Манера одеваться: *Штаны как у татарки выпушиэны наверх.*

5. Особенности вероисповедания. Опознание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старобрядцы в народном сознании — это отдельный народ, как *нациё*. Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение — «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Этнические образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте. Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначений. Например, *тунгусом* в пермских говорах называют молчаливого человека: *Спросишь — он молчит. Тонгус называют. Он-де какой тонгус, нельзя-де слова докупиться.*

В результате ассоциирования возникают прецедентные феномены и стереотипы, связанные с представлениями о том или ином народе. Для исследования вектора ассоциаций, связанного с этническим компонентом сознания региональной языковой личности, проводилось анкетирование студентов, отвечавших на вопросы об основных этносах Прикамья — коми-пермяках, русских, татарах.

Категория этничности играет немаловажную роль в системе ценностей носителей языка. Она тесно связана с категорией оценки и такими оценочными категориями, как «свой — чужой», «хороший — плохой», «правильный — неправильный».

Особенности национальной картины мира отражаются в художественной картине мира. Писатель выступает как носитель определенных национально-культурных стереотипов. В исторической прозе пермских писателей отражается одна из основных оппозиций картины мира — «свое — чужое». Авторы художественных текстов подвергают описываемые реалии обязательной этнической маркировке. Этнонимы и этнонимные образования, функционирующие в

исторических романах А. Иванова, М. Строганова, Е. Туровой, отражают этническую составляющую ментальности и

служат еще одним источником исследования этнокультурного сознания жителей региона.

Русские авторы в македонской литературе для детей. (Связь между баснями Ивана Крылова и Ристо Давчевски)

М. Спасевски

Университет Святых Кирилла и Мефодия (Скопье, Македония)

Басни, Крылов, Давчевски, творчество, литература

Исследование специфики современной русской и македонской литературы в большинстве литературных жанрах и стилях, указывает на присутствие отдельных творческих связей во многих сегментах поэзии и прозы. Это видно и в трактовке литературных тем и мотивов, и в фокусе литературных обработок отдельных лейтмотивов.

О некоторых из них мы и ранее представляли литературно-аналитические приложения. Здесь, особое наше внимание обращено на соотношение творчества в баснях великого русского баснописца Ивана Крылова и одного из самых известных македонских баснописцев — Ристо Давчевски.

Неоспоримо, Иван Крылов, является ведущим русским баснописцем, но и через контекст басни представляет собой настоящего представителя литературы и на европейской сцене. Вместе со знаменитыми Жаном Ла Фонтеном и Лессинг, Крылов относится к басне, как к одному из особенно важных литературных произведений. Басня для Крылова представляет собой не только «маленькую драмку», как говорил В. Г. Белинский, а является комплетным произведением. Своими баснями Крылов подтвердил, что басня представляет собой не только аллегорически-сатирический короткий оконченный литературный концепт, а и литературное произведение, с развитым художественно эстетическим строением. Для Крылова басня также является и сложным образцом литературной композиции с многочисленными стильными выразительными элементами, а не обычное произведение, с простой диалогической формой.

В баснях Крылова актуальна и важна общественная тема, которая, прежде всего, даёт возможность настоящей творческой обработке литературным языком, при помощи аллегорических и сатирических средств, употребляя актуальные тематические вопросы. Но Крылов указал на то, что все это приводит к успеху только тогда, когда басня является не просто обычным сатирическим однообразным ударом, а основывается и строится при помощи художественных ценностей. Поэтому, Крылов, в свои басни вносит поэтические образы, тем самым придавая басне облик настоящего литературного творчества.

В басне «Орел и паук», Иван Крылов с настоящим поэтическим мастерством улавливает редкую литературную художественную картину: «...Там реки по степям излучисто текли; Здесь роши и луга цвели во всем весеннем их уборе...»; или, например, в басне «Муха и пчела»: «...В саду, весной, при легком ветерке, На тонком стебельке...»

Именно, благодаря этим красочным художественным выражениям Крылова, басню относят к категории настоящего литературного творчества.

В том же духе написаны и большее число басен македонского баснописца Ристо Давчевски, где так же наблюдается изобилие красочных изображений, и это наводит на мысль о том, как настоящее поэтическое искусство Крылова мотивировало и Ристе Давчевски. Так например, в басне «Одглас на славенте» — «Отголосок соловья» пишет: «Мы, птицы — веселые носители песен... весенней рукой природа нас ласкает...» В такой же форме поэтическая картина изображена и в басне «Пустинка жед» — «Пустынская жажда»: «...блещет сухая река в горячей прозрачности, разбросана трепетная фотоморгана...»

Часто, в структуре басен Крылова и Давчевски, встречаем модель поэтической композиции, что также, создает мнение о позиции по отношению к басне у обоих баснописцев, а именно, басня является не просто строгим аллегорическим и сатирическим произведением, а свободной развитой литературной поэзией. Это указывает на импульсы Крылова, присутствующие в образцах басен Давчевски.

В более широком смысле, соотношение басен Давчевски и Крылова, является как отдельные сродные темы и мотивы, литературные персонажи, и схожие нравоучения.

Литература

Крылов А. И. Басни. Скопье, 2007.

Давчевски Р. 102 басни. Скопье, 2002.

Давчевски Р. Беседа на фауните. Басни. Скопье, 2011.

Спасевски М. Литература за деца. Скопье, 2007.

Цацков Д. Страници за литературата за деца и малдина. Скопье, 1997.

Русское языковое сознание в условиях лингвокультурной интерференции

Й. Страшнюк

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Харьков, Украина)

Антропологическая лингвистика, этнические константы, языковое сознание, ассоциативный эксперимент

Summary. The given discourse raises the issues of the Russian language native speakers language awareness structural transformation under the Russian-Ukrainian cultural interference conditions.

Современная антрополингвистика, рассматривающая язык прежде всего в качестве феномена сознания и формы бытия культуры, уже сделала немалый вклад в исследование образа мира славянских культур и его отдельных фрагментов и параметров. Одной из значительных вех на этом пути стало создание на базе Московской психолингвистической школы «Ассоциативного тезауруса современного русского языка» и «Славянского ассоциативного словаря» (далее — САС), содержащих богатейший материал для формирования суждений о языковом сознании носителей русской, украинской, белорусской и болгарской лингвокультуры. Реализованный авторами словарей ассоциативный подход, при котором выявлялись многочисленные актуальные связи слов и стоящих за ними образов сознания, позволил обнаружить макроструктуру языкового сознания этноса, проанализировать его системность и вскрыть культурную семантику от-

дельных его значимых единиц («знаний-рецептов», входящих в ядро языкового сознания) (Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Н. В. Сабуркина, А. Г. Сонин и др.). Представляется, что возможности такого рода анализа можно с успехом применять также в исследовании степени и специфики лингвокультурной интерференции, имеющей место в билингвальном культурном пространстве и проявляющейся, безусловно, не только на уровне языка / речи, но и на металингвистическом уровне «коллективного бессознательного».

Харьков, территориально расположенный на границе Украины с Россией, является одной из таких «контактных зон», местом пересечения и активного взаимодействия двух лингвокультур — русской и украинской. Здесь стихийно сложилась ситуация «параллельного» (по Л. П. Крысину) билингвизма, хотя украинский язык в Харькове все же зна-

чительно уступает русскому в коммуникативной сфере. Одним из постулатов антропологической лингвистики стала мысль о том, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, специфичный для данной (этнической) культуры, и выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка (Ю. Д. Апресян). Для большинства же жителей Харькова, независимо от их национальной и социальной идентичности, политических взглядов, возраста и уровня языковой компетенции, русский язык является первым, родным, усвоенным с детства вместе со всей системой этнических констант, генетически заложенной в русскую языковую картину мира. В связи с этим возникает целый ряд вопросов:

- Трансформируется ли структура языкового сознания, выражающего себя по-русски, под воздействием фактора погруженности в другую национальную среду, являющуюся лингвокультурно гетерогенной?
- Транслируются ли через русский язык харьковчан концептуальные особенности русской лингвокультуры или же он заметно адаптирован к обслуживанию концептосферы украинской культуры?
- Соответствует ли образ мира современных харьковчан (в большинстве своем — украинцев, использующих в своей речевой практике преимущественно русский язык) в большей мере образу мира русских или украинцев (или, другими словами, русские или украинские этнические константы лежат в его основании)?
- Правомерно ли говорить о русском языковом сознании в применении к языковому сознанию русскоговорящего населения украинского города?

Следует отметить, что задачу выявления этноспецифики языкового сознания современных харьковчан в известной мере затрудняет то обстоятельство, что ядро русского и ядро украинского языкового сознания обнаруживают много общего в своей структуре и содержании, что естественным образом следует из общности происхождения, истории и вероисповедания двух славянских народов. Так, по данным САС, первые восемь ядерных слов (имеющих наибольшее число связей, т. е. появившихся в качестве реакции на наибольшее число стимулов) у русских и украинцев совпадают. Это *жизнь, человек, дом, любовь, радость, хорошо, друг и счастье*. В первую десятку ключевых для русской лингвокультуры слов вошли также *есть и нет*, а украинской — *добро и смерть*. Однако, несмотря на внешнее сходство

ядерных структур и номинальное совпадение центральных концептуальных единиц русского и украинского языкового сознания, особенно заметное в их сопоставлении с ключевыми понятиями неславянских лингвокультур, при более внимательном рассмотрении обнаруживается и много различного, этноспецифичного в ассоциативном восприятии (членении) мира русских и украинцев. Например, одной из наиболее отчетливых закономерностей ассоциативного реагирования русских стал парадигматический характер ассоциаций, при этом в большинстве случаев наиболее частотной реакцией на тот или иной стимул становился его лексический антоним. Украинцы же чаще всего реагировали синтагматической ассоциацией. Например, на стимул *жизнь* наиболее частотными реакциями стали *смерть* у русских и *дове* у украинцев; на стимул *маленький* — *большой* у русских и *хлопчик* у украинцев; на стимул *терять* — *находить* у русских и *надію* у украинцев. Такая очевидная тенденция являет существенные структурные особенности языкового сознания русских и украинцев. Можно предположить, что она демонстрирует большую поляризованность русского языкового сознания по сравнению с украинским, которая согласуется с такой отмеченной этнопсихологами чертой русского национального характера, как любовь к крайним и категоричным суждениям и крайностям в поведении. Другим неотъемлемым свойством русского менталитета считается ярко выраженная оценочность в суждениях и гиперболизация моральных измерений человеческой жизни (А. Вежибицкая). Данные САС подтверждают это наблюдение, однако свидетельствуют также и о том, что украинскому языковому сознанию это свойство присуще в гораздо большей степени. В частности, как показала Н. В. Уфимцева, среди реакций на стимул *человек* оценка (приписывание признака) занимает от числа всех реакций у белорусов — 22,4%, у болгар — 24,2%, у русских — 29,5%, у украинцев — 37,4%. Специфика русского языкового сознания в сопоставлении с украинским прослеживается также на уровне структуры и содержания отдельных концептов, образующих их ядро.

Дальнейшая экспликация структурообразующих особенностей и содержательных черт лингвокультурно гомогенного русского и украинского языкового (ассоциативного) сознания и сопоставление их с обнаруженными структурно-содержательными характеристиками языкового сознания харьковчан позволит выявить конкретные показатели лингвокультурной интерференции в сознании последних, а также определить этническую доминанту их образа мира.

Понять за пять секунд... (О некоторых трудностях субтитрового перевода — из опыта работы над болгарскими кинофильмами в рамках Московского международного кинофестиваля)

Е. М. Суслова

Высшие курсы иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации

Болгарский язык, киноперевод, кинотекст, теория перевода, субтитры

Summary. Film translation by means of subtitling strives to achieve two main goals which stem from the essence of film structure with its two principal functions (communicative and aesthetic): first a text with optimal structure and volume for simultaneous perception of audio-visual information on the screen and reading the subtitles must be created. Secondly, the translation can't be too rigid, so as not to destroy the author's message and culturally significant film elements.

Вопреки прогнозам ранних исследователей, кинематограф не вытеснил литературу, но оказал и оказывает, будучи «самым массовым из искусств», влияние на все сферы человеческой жизни, а кинотекст наряду с художественным текстом является объектом лингвистических исследований.

Московский международный кинофестиваль (ММКФ), впервые состоявшийся в 1935 г., с 60-х гг. XX в. стал местом встречи и общения профессионалов и любителей кино. В фестивале ежегодно принимают участие около 200 картин из различных стран мира. Фильмы демонстрируются на языке оригинала с русскими и английскими субтитрами, которые должны быть подготовлены соответствующими пе-

реводчиками. Киноперевод вызывает интерес и полемику не только среди переводчиков и лингвистов, но и в кругах кинокритиков и зрителей. Лингвистические исследования киноперевода стали частью теории перевода сравнительно недавно, большая часть публикаций в данной области относится к первому десятилетию XXI в. ([Горшкова 2006]; [Матасов 2009]; [Федорова 2009] и др.). В рамках кинофестиваля «хороший» перевод играет особую роль, так как в определенном смысле способствует положительной оценке фильма зрителями и жюри.

Из четырех основных способов перевода фильмов (синхронный, закадровый, дубляж и субтитры) наибольшее рас-

пространение получили дублирование и субтитрование. Наше внимание в данном докладе будет уделено последнему.

Субтитры как вид перевода представляют наименее изученную область теории перевода и переводоведения. В отечественной лингвистике субтитровый перевод рассматривается в трудах В. Е. Горшковой, лингвокультурологические и дидактические аспекты субтитрового перевода исследует Р. А. Матасов.

Цель настоящего доклада — обозначить наиболее сложные моменты в переводе субтитров на примере переведенных автором болгарских фильмов-участников ММКФ за последние три года (9 кинокартин).

Основным материалом для работы кинопереводчика является кинодиалог как вербальная составляющая кинотекста. Понятие кинотекста как многоуровневой семиотической системы утвердилось в теории перевода в трудах У. Эко, Ю. Н. Тынянова, Ю. Г. Цивьяна, В. Е. Горшковой, Г. Г. Слышкина, М. А. Ефремовой и др. Кинотекст состоит из образов, движущихся и статических, речи, устной и письменной, шумов и музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве, имеет ярко выраженную коммуникативную направленность, так как он адресован зрителю и создается специально для восприятия массовой аудиторией.

Исследователи отмечают, что перевод в кино представляет собой разновидность художественного перевода, а задача переводчика в данном случае осуществить «адаптацию» текста, «культурный перенос» [Федорова 2009: 144], «локализовать иноязычный и инокультурный аудиовизуальный продукт посредством межязыковой передачи элементов его лингвистической системы с учетом лингвоэтнических компетенций носителей переводящего языка (ПЯ)» [Матасов 2009: 11]. В случае с субтитрованием одной из главных задач переводчика является также значительная компрессия исходного кинодиалога на лексическом и синтаксическом уровнях (оригинальный текст сокращается на 40–70%). Субтитры ограничены в пространстве (двумя строками по 34–36 знаков в каждой) и во времени (на прочтение двухстрочного субтитра зрителю дается 5–6 секунд), а их членение должно соответствовать членению английских субтитров (которые в болгарских фильмах, как правило, делаются заранее в Болгарии). Нередко субтитровый перевод подвергается критике именно за свою сжатость, схематичность, некоторые исследователи считают его видом межязыковой адаптации, а не переводом.

Как и при переводе любого текста, в частности кинотекста, у переводчика могут возникнуть сложности лингвистического характера. Анализ рассматриваемых кинокартин с данной точки зрения позволил выделить наиболее сложные для перевода элементы в соответствии с классифи-

кацией «непереводимого» в художественном тексте по С. И. Влаху и С. П. Флорину [Влахов 2009]. Данные единицы входят в число «микроструктурных единиц культуры» [Федорова 2009: 143], несут культурно-значимую информацию, и найти им аналоги в ПЯ — задача переводчика.

Выбор переводческого решения (транскрипция, транслитерация, приблизительный или контекстуальный перевод) для передачи реалий (*кисело мляко, гайда*), имен собственных (*Бойко Борисов, Ники Кънчев*), терминов обуславливается прагматическим подходом к переводу.

В число трудностей при переводе входят также каламбуры, анекдоты (*Що не ги режнеш тия с телефонното банкиране, като те правят толкова нервна? — Ти си по «резването», доктор Богатев*), отклонения от литературной нормы (прежде всего жаргон: *Адвокатът е страшно печен*), иноязычные вкрапления (*Зудсток, ъндерстенд*), фразеологические единицы (*станал на стафида; ще гушна чешшира*), обсценная (инвективная) лексика, сложность перевода которой связана прежде всего с большей табуированностью данной лексики в русском языке по сравнению с болгарским и английским. Как отмечают исследователи, бранная лексика в письменной форме воспринимается человеком значительно острее и негативнее, поэтому переводчику необходимо, с одной стороны, сохранить сниженный речевой регистр кинодиалога, а с другой, смягчить и эвфемизировать оригинальный текст. В рассматриваемых картинах (в особенности «Миссия Лондон» и «Love.net») табуированные лексемы часто являются основным компонентом шуток «ниже пояса».

Таким образом, при субтитровом переводе фильма перед переводчиком стоят две основные задачи, обусловленные необходимостью передать средствами ПЯ две основные функции кинотекста, — коммуникативную и эстетическую: с одной стороны, с помощью компрессии создать текст, оптимальный по структуре и объему для одновременного восприятия происходящего на экране и чтения субтитров, и, с другой — избежать опасности сведения кинодиалога к схематичной передаче информации, не разрушить авторский замысел, донести до зрителя культурно-значимые элементы фильма.

Литература

- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М., 2009.
 Горшкова В. Е. Перевод в кино. Иркутск, 2006.
 Матасов Р. А. Перевод кино / видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009 [http://www.esti.msu.ru/images/stories/Matsov.pdf].
 Фёдорова И. К. Перевод кинотекста в сфере концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 43. С. 142–149 [http://www.lib.csu.ru/vch/181/029.pdf].

О национально-культурной коннотации фразеологизмов

Г. С. Сырица

Даугавпилский университет (Даугавпилс, Латвия)

Фразеология, сопоставление, национально-культурная коннотация, внутренняя форма

Summary. The paper deals with specific national-cultural connotation of phraseological units in Russian and Latvian. Special features of connotation are connected with the inner form of phraseological units.

Специфика национально-культурной коннотации выявляется прежде всего на основе сопоставления фразеологизмов в разных языках на уровне их семантики (в рамках фразеосемантических групп) или на уровне их компонентного состава (в рамках фразеотематических групп). Антропоцентризм фразеологической картины мира находит отражение в том, что фразеологизмы как единицы вторичной номинации в разных языках, и в частности, в русском и латышском, входят в состав идентичных фразеосемантических групп, связанных прежде всего с характеристикой тех или иных свойств человека. Соотносительным является и компонентный состав фразеологизмов, отражающий универсальные культурные коды (соматический, анимический, мифологический, колористический и др.). Так, архетипические пред-

ставления о правой стороне как лучшей и левой — как худшей находят отражение в эквивалентных фразеологизмах в русском и латышском языках: *правая рука — labā roka* (“sar. — kāda / parasti augstāk stāvošas personas tuvākais palīgs, uzticības persona”); *встать с левой ноги — izkāpt ar kreiso kāju no gultas* (“sar. No paša rīta būt sliktā garastāvoklī, bez iemesla skaisties”); представления о светлом как хорошем и темном как плохом находят отражение во фразеологизмах *отличить черное от белого — atšķirt melnu no balta; принимать белое за черное — pataisīt (saukt) melnu par baltu (baltu par melnu)*.

Национально-культурная коннотация находит отражение прежде всего во внутренней форме фразеологизмов, отражающей особенности прототипной ситуации. Фразеологи-

змы могут иметь идентичную внутреннюю форму: как *будто воды в рот набрал* — *kā ūdeni mutē ieņēmis* (ср. также в польском: *jakby wodę nabral w usta*). Фразеологизмы с идентичной семантикой в русском и латышском языках могут иметь разную внутреннюю форму, при этом варьироваться могут семантически близкие компоненты: как *с гуся вода*, в латышском — *kā pīlei ūdens* (как с утки вода). Культурно детерминированными предстают разные образы фразеологизмов, нашедшие отражение в их внутренней форме. Так, фразеологизмы со значением ‘худой’ имеют разные стереотипы в русском и латышском языках: *худой как щенка*, *tievs kā diegs* (*худой как нитка*); русскому фразеологизму *стреляный воробей* соответствует латышский *nebūt pirmoreiz ar pīri uz jumta* (*быть не в первый раз с курительной трубкой на крыше*). Разную внутреннюю форму имеют фразеологизмы со значением ‘бездельничать’: в русском языке — *плевать в потолок*, в латышском — *turēt rokas klēpī* (*auklēt rokas klēpī*) — “Dzīvot dikā, nestādāt; slinkot” (*держат / нянчить руки на коленях* — ср. другую внутреннюю форму в польском языке: *leżeć do góry brzuchem* — “nie pracować, nie robić, leniuchować”); фразеологизмы со значением ‘глупый’ в русском языке — *без царя в голове*, в латышском — *tik, cik vistas kājā gaļas* — “sar. Tikpat kā nemaz (biežāk prāta, gudrības)” — *столько (ума), сколько мяса на ногах курицы*. Ср. также фразеологизмы с семантически близким компонентом: *тупой (глупый) как валенок* — *dumjš (stulbs, glups) kā zābaks*. В русском языке о молодом и неопытном человеке говорят *молоко на губах не обсохло*, в латышском — *vēl slapjš aiz ausīm* (*еще мокро за ушами*); о воре — *нечист на руку*, в латышском — *gari nagi (pirksti)* — “saka, ja kādam ir tieksme zagt, ja kāds zog” (*длинные ногти, пальцы*).

К маркерам национально-культурной коннотации относятся фразеологизмы в составе фразеологизмов. В русской фразеологии ассоциативно-культурный фон часто определяется самой формой имени собственного, его социальной характеристикой, а также прототипной ситуацией, отражающей историческое событие (*худа Макар телят не гонял*; *по Сеньке и шапка*; *мели, Емеля, твоя неделя*; *филькина грамота*; *потемкинские деревни*), в латышском языке во фразеологизацию вовлекаются прежде всего наиболее типичные имена *Янис, Петерис*: *malkas Jānis* — “prof. Nelieks kuģis, ar ko pāravadā kokmateriālus”; *joku Pēteris* — “sar. Cilvēks, kam patīk jokot, jokdaris”; *aiziet pie Pētera* — “sar. nomirt”; *aizsūīt pie Pētera* — “Nogalināt, nošaut”. Фразеоним *Peteris* во фразеологизмах, связанных со смертью, устанавливает связи с религиозным кодом. Наблюдения над погодой в народный праздник Лиго (Янов день) нашел отражение во фразеологизме *līt, kā ra Jāņiem* — “stipri līt” (*сильный дождь, как в Янов день*). Фразеологизмы с топонимическими компонентами в русской фразеологии связаны с от-

ражением культурно-специфичной прототипной ситуации: *ехать в Тулу со своим самоваром*, *во всю Ивановскую*, *казанская сирота*, *пропал, как швед под Полтавой*. В латышском языке в состав фразеологических оборотов вовлекаются прежде всего культурно значимые топонимы *Puga, Daugava (Daugavija)*; *gudrs kā Rīga, redzēt Rīgu; lēkt (mesties) Daugavā; stāsti manim, Daugaviņa* (sar. “Saka dialogā, nepieņemot sarunbiedra teikto, neticot tam”).

Особую группу представляют фразеологизмы с компонентом-числительным, где значимым является сам выбор того или иного числительного, а также его символика. Фразеологизмы могут совпадать по своей семантике и компонентному составу: *на седьмом небе* (в латышском языке — *justies (būt) kā septītajās debesīs* — “izjust lielu prieku, laimi, būt sajūsmā”); *за семью замками* (в латышском языке — *aiz septiņām (deviņām) atslēgām* — “saka par ko nepieejamu, lielā slepenībā turētu, gūpīgi sargājamu”). Культурно-специфичными предстают фразеологизмы с другой внутренней формой и другим числовым компонентом. Так, русскому фразеологизму *седьмая вода на киселе* («разг. человек, находящийся в крайне отдаленном родстве с кем-либо») соответствует по семантике латышский фразеологизм *no baltās ķēves trešā augumā* — “sar., iron. Saka par ļoti tālu vai arī neesošu radniecību” (*от белой кобылы в третьем поколении*).

Совпадают в обоих языках фразеологизмы *на все четыре стороны*: в латышском языке — *uz (no) visām (četrām) debesīm (debesu) pusēm* — “Saka, uzsverot virzienu dažādību, nenoteitību”; *в четырех стенах*: в латышском — *četrās sienās*, однако некоторые латышские фразеологизмы с компонентом *четыре* не имеют соответствий в русском языке, при этом числовой компонент в них варьируется: *neteikt ne četri (pieci)* — “sar. Neteikt neko, klusēt”; *krīt kā kaķis uz kājām (uz visām četrām)*; *mute, ka ar deviņiem (četriem) zirgiem neaizskries priekšā*. Латышскому фразеологизму *zem četrām acīm* (ср. этот же числовой компонент используется в польском фразеологизме — *w cztery oczy* (“sam na sam”), а также в немецком — *unter vier Augen*) соответствует русский *с глазу на глаз*.

Национально-культурная коннотация закреплена во фразеологизмах с архаичными компонентами, которые не имеют соответствий в других языках: *бить челом* — «выражать чувство глубокого уважения, почтения, благодарности», *видеть на три аршина под землей* — «отличаться большой проницательностью», *за тридевять земель* «очень далеко»; в латышском языке — *laist ķekas vaļā* — “sākt skriet, bēgt projām” (*дать стрекача*).

Таким образом, универсальные культурные коды в рассматриваемых языках находят отражение в уникальных образах, определяющих национально-культурную коннотацию русско-латышской фразеологии.

Ролята на приложното изкуство за отстояване на славянската идентичност и българската национална идея в началото на ХХ

М. Тачев

Технически университет — Варна (Варна, България)

Т. Тачев

Варненски свободен университет «Черноризец Храбър» (Варна, България)

Summary. In the 20th years of the XXth century a new trend in the Bulgarian cultural scene evolves. This is the idea of popularizing the Bulgarian ethnic roots. It creates a new concept about modernizing art by creating a mixture of contemporary styles and folk patterns, motives and stories. This movement has been strongly supported by the state in various ways resulting in many significant pieces of art and in interesting products in the field of applied arts. Examples of the this interesting interdisciplinary area are book illustrations and graphic designs.

В доклада се разглежда развитието на приложното изкуство и ролята му за възпитаване и остояване на връзката между съвременния човек и неговите корени със средствата на приложното изкуство. В отличие от съвременността през 20 и 30-те години на ХХ век в България са се полагали усилия както от страна на правителството, така и на интелектуални обществени кръгове да се съхрани и развива българско-славянска по дух и национална по характер култура. Тази идея е отразена в голяма част от тогавашната продукция на

приложните изкуства. Поради спецификата на тези изделия те имат съществено значение за формиране на вкусовете и предпочитанията на обществото. В жанрово отношение списъкът е дълъг. В него влизат графичния дизайн и оформлението на книги и печатни издания, представляващи важен инструмент за влияние, тъй като са основен информационен носител популярен във всеки дом. По друг начин, но също така основно е и значението на мебелния дизайн, интериорното оформление и художественото оформление в други

области на продуктивно-материалната сфера. Чрез определени модели и решения се създава възможност за популяризиране на етносния и националният характер.

Социално-политическата ситуация в България в началото на XX век е сложна. През 1908 г. се обявява независимост от Турция (България е васална на Турция в периода 1878–1907). Новите концепции и идеи, културният обмен с европейските държави опияняват наивния и неподготвен българин. В началото на XX век в интелектуалните среди вече назрява идеята за нуждата от съхранение на изконно българското, на славянското, за отпор на чуждите влияния, тъй като интелектуалните кръгове съзират заплаха за самобитността, националния и етносен характер на обществото. Появява се движение за съхранение чистотата на българския език например Ив. Вазов, Петко Славейков, Ал. Т. Балкан и други писатели, литературни дейци и езиковеди започват борба с вербалните чуждици.

Сред интелектуалните среди и хората на изкуството се заражда идеята да се създаде съвременно по стил изкуство, което да е в унисон с актуалните тенденции, като същевременно вдъхновение за него се търси в похвати, мотиви, сценарии, вдъхновени от народното творчество. Създава се дружество „Родно изкуство“, което има през 20-те и 30-те години значително влияние върху художествената продукция на България. В него влизат много писатели и художници. Важно е да се отбележи, че в доктрината на движението, изразена от Гео Милев в няколко негови статии, се прави важна разлика между *народно (етносно) изкуство* и *националистическо*, като второто се критикува и се определя като твърде изопачаващо и тенденциозно.

В стилово отношение в него (родно изкуство) могат да се обособят 2 основни направления — *битовизъм* и *синкретизъм* между европейско и етносно. Първото изобразява моменти от живота на българите, чрез които се отстоява националната идентичност и се подчертава славянското самосъзнание (битови сцени на обичаи, трудова дейност, повод за радост, гордост и мъка). Второто направление съчетава различни съвременни движения: сецесион, импресионизъм, експресионизъм, футуризм с българо-славянски етномотиви от народно творчество.

Чрез „Министерство на народното просвещение“ българското правителство подпомага това движение сред интелектуалците, българските художници, писатели и публицисти чрез закон от 1922 г., с който се обявяват конкурси в областта на живописата и литературата с авторитетни награди. Държавната политика и обществената нагласа за запазването на традициите и културната славяно-българска идентичност проличава и от политиката в областта на образованието. Например стремежът да се съхранят традициите на Тревненската възрожденска школа в областта на резбарството е причина да се открие през 1920 година държавното столарско училище в гр. Трявна. Целта е да се съживят на

художествените занаяти и национални традиции, чиито функции и значение след Освобождението са затихнали. Идеята е постепенно да се излезе от рамките на занаячийството и да се наложат оригинални решения, и да се издигне художествената обработка на дърво до художествен дизайнски процес в духа на добрите традиции и умения. Училището става средище, което привлича талантиливи преподаватели като завършили в Мюнхен художник Иван Христов. Той дава идеята за основаване на музей по резбарско изкуство и така се спасяват от унищожение ценни художествени произведения. През различни периоди като възпитаници и преподаватели през училището преминават изкуствоведа Димитър Друмев, резбарите Цаньо Антонов, Асен Василев, проф. Кънчо Цанев, проф. Антон Дончев и др.

Макар по отношение на изобразителното изкуство българските владетели и видни политици да не са особено привлечени от битовизма и българския пасторал, те гледат благосклонно на насоката в изобразителното и приложното изкуство, която се обръща към величието на средновековна България. Например при обявяването на независимостта се отпечатва манифест, чийто проект е възложен на художника-приложник Харалампи Тачев. Той изработва проект за декоративно оформление на самия документ. Неслучайно при дизайнът се използват мотиви и преки заемки от средновековното източноправославно изкуство. А стилът на църковно-славянските документи от XIII–XIV век е спасен чрез плетеници, зооморфни заглавки и букви, средновековен шрифт и похвати на оформление на текста. Подобни примери показват една отчетлива тенденция във важни държавни документи със представителен характер да се подчертава приемствеността на III-тото българско царство спрямо владетелската традицията отпреди турското робство. Приложното изкуство позволява внушението да бъде по-индиректно.

Ролята на книгата в това отношение е основна. Сложна задача стои пред тогавашните художници-иллюстратори и графични оформители — да се направят съвременни, интересни, ефективни продукти, които да са близки, да носят български дух.

Тя има важна роля има за възпитанието, цели поколения в училищата и в масовата преса стават съпричасни към националната идея, с ликовете на Пайсии и изображения запознаващи със написването история славянобългарска, популяризира се историческото минало и новите успехи.

От прегледаните факти и материали могат да се направят изводите, че в в началото на XX век е имало целенасочено движение за съхранение на българо-славянския характер на обществото, търсели са се начини за подпомагане и развиване на ориентирано към традициите приложно изкуство. В резултат се изгражда самобитно, интересно приложно изкуство, което възприема в себе си българо-славянския дух и го пренася във съвременното чрез актуални форми и похвати.

Иноязычность и способы ее освоения в современном русском языке

О. А. Фролова

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Заемствованное слово, новообразования, суффиксальный способ словообразования, морфемизация

Summary. One of the features of a foreign word entering the borrowing language is its word-formative activity. Suffixation is the most usable mode of the word formation. Russian language is using not only own resources in derivation process and also foreign morphemes.

1. Словообразовательный потенциал заимствованного слова проявляется через появление у него дериватов, образованных по словообразовательной модели заимствующего языка. Гибкость и подвижность лексической системы, поиск ею экономичных усилий в пополнении словарного состава языка, в том числе и дериватами, активизирует в заимствованных словах способность к расширению репертуара словообразовательных потенций. Как показало наше исследование, одним из продуктивных средств вторичной номинации является использование суффиксальных образований.

Особенно широко представлены суффиксальные новообразования, из которых наиболее активны суффиксы, обо-

значающие абстрактные явления: *-изм*, *-ация(а)*, *-изация(я)*. Это объясняется прежде всего тем, что основы, с которыми они вступают в словообразовательные связи, характеризуются специфичностью, содержательностью и эмоциональностью, связаны с широким кругом явлений современной жизни. Новые социально значимые процессы действительности активно именуется существительными на *-изация(я)*, *-ация(а)*, имеющими значение «наделение теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа»: *долларизация*, *макдонализация*, *чизбургеризация*. Социальная действительность требует прежде всего новых номинаций, вот почему именные основы, совмещающие значение процессу-

альности с номинативностью, одерживают верх над глаголами. Причем данный процесс происходит очень интенсивно. Это ещё одно подтверждение прямой зависимости между социальной действительностью и языковой изменчивостью [Linan Selmistraitis 2006].

Но кроме этого деривационный ряд существительных представлен относительными прилагательными с суффиксами *-ов-* (*-ев-*) в значении «сделанный из материала, обозначенного производящей основой, или содержащий этот материал»; *-ск-*, *-ов-* + *-ск-*, *-н-* — «относящийся к кому-либо или чему-либо, обозначенному производящей основой»: *прайс* — *прайсовый*, *бренд* — *брендовый*; адекативные дериваты используют суффиксы *-н-*, *-ов-*, *-ск-*, *-ов-* + *-ск-*: *бритиши* — *бритишский*, *крзанутый* — *крзевый*, *рекордный* — *рекордовый*.

2. Русский язык не только использует при суффиксации собственные ресурсы, но и успешно вовлекает в деривационный процесс английские морфемы. Порой заимствуются целые лексические ряды, оформленные однотипно (например, *гамбургер*, *чисбургер*, *чickenбургер*; *маркетинг*, *кинд-нэппинг*, *холодинг*, *кастинг*, *буллинг*, *лизинг*, *клипмейкер*, *имиджмейкер*, *нюсмейкер*, *хитмейкер*, *слухмейкер*; *спичрайтер*, *копирайтер*). Такое обилие заимствованных слов неизбежно приводит к тому, что в таких рядах слов начинают выделяться определенные структурные элементы, и параллельно с этим формируется более или менее конкретное значение выделяемых отрезков. Таким образом, происходит становление иноязычных структурных элементов как самостоятельных морфем в русском языке, иными словами, осуществляется процесс морфемизации. Если ка-

кой-либо язык заимствует ряд слов, морфологически членяемых в языке-источнике и принадлежащих в нем к одному словообразовательному типу, то при определенной типологической близости языков весьма вероятно, что и носителями заимствующего языка эти слова будут осознаны не как монолиты, но как слова, распадающиеся на части [Шведова 2003]. Понятно, что это процесс долговременный, постепенный, предусматривающий ряд этапов и стадий приобретения иноязычным структурным элементом морфемных свойств в русском языке. Словообразовательный аффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа, не только формально, но и семантически. Фактором, способствующим развитию способности некоторых таких слов к членению в русском языке, служит заимствование соотносительных пар слов: *скайсерфинг* — *скайсерфер*, *кикбоксинг* — *кикбоксер*, *бодибилдинг* — *бодибилдер*. Однако говорить в этом случае о наличии словообразовательной структуры слова не приходится, так как в русском языке отсутствует производящая база для этих слов. Лишь в единичных случаях на основе заимствования ряда однокоренных слов слова с иноязычным элементом начинают развивать свою словообразовательную структуру. Например, суффикс *-ing*. В русском языке он зафиксирован в огромном количестве англицизмов. Носители русского языка абсолютно безошибочно определяют его наличие с точки зрения структуры. Например, в слове *тренинг* уже выделяется суффикс *-инг-*, так как слово воспринимается как производное от глагола *тренировать(ся)* и включается в ряд однокоренных слов *тренер*, *тренироваться*, *тренировка*, *тренаж*.

Непоследовательность реализации принципов транслитерации русских имен собственных хорватской латиницей

Ж. Челич

Загребский университет (Загреб, Хорватия)

Транслитерация, русский, хорватский, разные принципы

Summary. Instability of Translation Principles from Russian to Croatian. Russian language uses Cyrillic as a graphical system, Croatian — Latin alphabet with diacritics. Russian and Croatian sound systems coincide in many aspects, but in translation of Russian proper names, patronymics and surnames to Croatian, we deal with two different types of it. First, the most frequent one, also a traditional principle, is a combination of phonetic and morphological principles. The other type is an absolute or full translation as a graphically and acoustically more accurate version.

В процессе исторического развития европейская цивилизация разделилась на западную и восточную ветви, причем западная ветвь стала пользоваться латиницей, а восточная, которую составили преимущественно славянские народы, — кириллицей. Выбор графической системы европейцами был обусловлен многими социальными факторами. Те европейские народы, которые ныне проживают на территории бывшей Западной Римской империи, унаследовали графическую систему, которой пользовались граждане Рима. Восточная же часть Европы, включая ряд славянских государств, находилась под значительным влиянием Восточной Римской (Византийской) империи, которая была во многом свободна от воздействия Рима. Будучи толерантным по отношению к языкам и письменности, Константинополь не препятствовал созданию новой графической системы, которая стала применяться по отношению к славянским языкам. Хорватские племена, населявшие часть территории Западной Римской империи на правом берегу Адриатического моря, естественно, стали пользоваться латиницей. История хорватской письменности, однако, нетипична: кроме латиницы на протяжении веков хорваты, относящиеся к западной ветви христианства, также пользовались глаголицей и кириллицей (босанчица), а в литургии наряду с латинским языком использовали и народный язык. Впоследствии в употреблении осталась лишь латиница, содержащая отдельные графемы, обозначающие специфические звуки современного хорватского литературного языка.

Поскольку русский и хорватский языки в своем прошлом обнаруживают совместный язык-предок, логичным является и сходство большинства звуков их фонетических систем. Лишь в отдельных случаях наблюдаются расхождения меж-

ду ними, которые, однако, могут быть нерелевантными при сопоставлении русского литературного языка с хорватскими диалектами. Так, например, в кайкавском диалекте представлен палатализованный /ч'/, который в литературном хорватском языке отсутствует. Незначительные различия в звуковом составе обоих языков при упорядоченности двух графических систем не должны создавать проблемы в транслитерации русской кириллицы и хорватской латиницы. На практике же при точной передаче латиницей облика русских имен и фамилий в хорватском языке реализуются два принципа транслитерации. Первый представляет собой смешанную фонетико-морфологическую, а второй — полную транслитерацию. Интересно то, что эти принципы утвердились в разные периоды времени. В качестве примера реализации первого принципа приведем транслитерацию фамилии *Достоевский* как *Dostojevski*.

Данная фамилия в подобном виде представлена у хорватов с периода т. н. *иллирийского возрождения*, для которого характерна идея объединения сначала южнославянских народов, а впоследствии и всех славян. Исходя из идеи общеславянской идентичности, хорваты транслитерируют русские имена, фамилии и отчества не столько на основе принципа акустической реализации, сколько путем их кроатизации. Фамилия *Достоевский* по своему словообразовательному составу является полным именем прилагательным. В хорватском языке, естественно, также существуют прилагательные, обозначающие лиц мужского пола, однако отсутствуют их полные формы. Таким образом, при транслитерации фамилии происходит ее сокращение. Ср. другие подобные примеры: *Маяковский* — *Majakovski*, *Мусоргский* — *Musorgski*. Этот же принцип распространяется и на

фамилии лиц женского пола, т. е. кроме переноса акустических и артикуляционных свойств применяется и морфемный принцип образования имен прилагательных хорватского языка. Иными словами, происходит сокращение форм, например: Майя Плисецкая — *Maja Plisecka*.

Фонетический принцип транслитерации хорватской латиницей не учитывает закономерностей русского языка, поэтому при его реализации используются правила, характерные для хорватского литературного языка, что оказывается возможным ввиду близкородственности языков. В штокавском варианте хорватского языка отсутствует правило дополнительной артикуляции в виде палатализации. Хорватский литературный язык (в отличие от его кайкавского диалекта) имеет, как и русский, палатальный звук /j/, хотя другие характеристики этих звуков не совпадают. Оба звука определяются как сонанты, тем не менее они отличаются друг от друга. Названный звук в русском языке употребляется как в позиции между согласным и гласным звуками, так и в позиции между гласными во избежание зияния, как, например, в уже приведенной фамилии Достоевский — *Dostojevski*. В абсолютном же конце слова /j/ утрачивается, причем не только вследствие уже названных морфологических, но и артикуляционных причин. Наглядным примером непоследовательной транслитерации является псевдоним *Ленин*, ставший уже фамилией. Хорватским языком он был транслитерирован с первым непалатализованным слогом, тогда как во втором слогe находим палатальное /nj/, ср. *Lenjin*. Личные имена чаще всего приобретают хорватский облик, ср.: Анна Каренина — *Ana Karenjina*. Отчества и фамилии мужчин с суффиксом *-ич* соответствуют хорватским фамилиям с суффиксом *-ić* и аналогичным образом переносятся на письмо, ср.: Роман Абрамович — *Roman Abramović*. В подобных случаях мы говорим о хорватской традиции транслитерации русских имен, отчеств и фамилий, при которой применяются правила хорватской фонетической и морфематической систем.

Следование не всякой традиции, однако, имеет положительные результаты и является неизменным. В последнее время появился относительно новый принцип абсолютной,

полной транслитерации русских имен с употреблением хорватского варианта латинской графической системы, который отстаивают теоретики литературы отделений русского языка и литературы хорватских университетов. С другой стороны, в средствах массовой информации возникает тождественный принцип, но англофонного варианта латиницы. Принцип замены буквы буквой, не привносящей акустическо-артикуляционных характеристик другого языка в язык оригинала, является более точным и отвечает транслитерации, применяемой при фиксации имен и фамилий иноязычного происхождения. Отсутствие непосредственного контакта большинства хорватов, не говорящих на русском языке, с русским миром, недостаточное количество специалистов и журналистов, одни и те же мировые источники новостей, используемые хорватскими журналистами, в которых употребляется англофонный вариант латиницы, приводят к новой неупорядоченности и непоследовательности реализации принципов транслитерации русской кириллицы хорватской латиницей; ср. пример Анна Курникова — *Anna Kurnikova*. При этом можно привести хорватский вариант, удовлетворяющий как русскому оригиналу, так и хорватской графической системе: *Anna Kurnikova*. Проблема произношения может быть решена при помощи СМИ, а не путем использования неудачной транслитерации типа *Kurnjikova*. Итак, на основе традиционных культурологических и языковых связей между русскими и хорватами сформировался уже традиционный принцип транслитерации русских фамилий, отчеств и имен, содержащий трансфонемизацию и трансморфемизацию с учетом правил хорватского языка. Этот принцип до настоящего времени используется наиболее часто, хотя и не является всеобъемлющим, поскольку зависит от конкретной личности и времени, в которое она стала известна хорватам. В последнее время хорватские русисты осознанно отстаивают принцип абсолютной или полной транслитерации, при которой каждое слово русского языка, зафиксированное с помощью кириллицы, заменяется словом, обозначенным хорватским вариантом латиницы. При этом учитываются закономерности русского, а не хорватского языка.

Славянский вклад в мировую цивилизацию: Проект «Славянская гимназия»

Л. А. Шестак

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Славянская гимназия, культура, языки, цивилизация

Summary. The programme of «Slavonic gymnasium» includes the following courses: «Slavonic literature», «Slavonic music», «Slavonic painting», «Slavonic scientific and technical achievements», the Polish, Czech, Bulgarian and Ukrainian languages.

Процессы глобализации, сопровождающиеся повсеместным утверждением де-факто единого мирового языка, порождают закономерное стремление народов к самоидентификации, возвращению к своим корням и традициям, своего рода современный этнический Ренессанс. Ниоим образом не умаляя роли мировых языков в разные периоды истории, человечество не забывает и о собственных этнических героях и первооткрывателях, завещанных предками традициях и ритуалах. «Неуважение к предкам есть признак невежества» — сказал поэт. И к собственной культуре — тоже.

Славянская культурная компонента в мировом русле прогресса ярка и заметна. Славян связывают общие мифы, первые письменные культурные источники: легенда о Чехе, Ляхе и Русе, легенда о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лябеди, Велесова книга, славянская руническая надпись на Ковельском законечнике, берестяные грамоты из Старой Руссы, Микоржинские камни Познанского воеводства и Краковский медальон.

Христианизация славянских племен связана с моравской миссией Кирилла и Мефодия, именами чешского князя Ростислава и болгарского царя Бориса. Теория гелиоцентрической системы Вселенной неотделима от имени польского ученого Николая Коперника, периодическая таблица элементов связана с именем русского ученого Дмитрия Менделеева, теория радиоактивного распада — с именем польского доктора наук Марии Кюри-Склодовской, теория электри-

ческих волн — с именем Николая Теслы, самолетостроение — с именем Игоря Сикорского, телевидение — с именем Владимира Зворыкина. В копилку мировых музыкальных шедевров вошли произведения Дворжака и Сметаны, Шопена и Пендерецкого, Глинки, Чайковского и Рахманинова. В музеях мира хранятся полотна Монюшки и Мальчевского, Репина и Брюллова. На множество языков мира переведены произведения Мицкевича, Пруса и Сенкевича, Гашека, Пушкина, Толстого, Достоевского, Блока, Ахматовой, Т. Шевченко. Всемирно известны отдельные произведения: романы Павла Вежинова «Барьер» и Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», картина «Черный квадрат» Казимира Малевича.

Мировую научную известность имеют научные школы: философская школа К. Айдукевича, фонологическая школа Яна Бодуна де Куртэне, открытия в области коммуникативного синтаксиса представителей Пражской лингвистической школы Вилема Матезиуса, Франтишка Данеша и Яна Фирбаса, труды по семантике, этнолингвистике и лингвокультурологии Анны Вежицкой и Тадеуша Бартминского. Поистине, славянам есть чем гордиться.

Современные образовательные тенденции (Болонский процесс, система непрерывного образования, дистанционные образовательные технологии) также ставят на повестку дня соединение глобального мирового опыта с достижениями собственной культуры. Решению этой задачи служат

курсы славянских языков, истории и культуры славянских народов в Волгоградском социально-педагогическом университете, а также проект «Славянская гимназия».

Курс славянских языков и культур входит в программу обучения студентов, магистрантов и аспирантов филологического факультета ВГСПУ. Для студентов это спецкурс «Исторические судьбы и номинативные системы славянских языков», для аспирантов и магистрантов — «Практикум по славянским языкам». На выбор предлагается четыре славянских языка: польский, чешский, украинский, болгарский. Проект «Славянская гимназия» (на базе МОУ СОШ 84 г. Волгограда) был одобрен администрацией г. Волгограда весной 2011 г. В качестве педагогической площадки для получения статуса гимназии в МОУ СОШ 84 организован Центр Славянской культуры «Slavia».

Программа «История и культура славянских народов» представляет собой элективный курс для старшей школы (4–11 классы), 1 час в неделю, 34 часа в год, всего 272 часа. В программу включены как базовые, обзорные темы («Мифология славян», «Формирование письменности у славян», «Христианизация славянского мира и развитие славянской культуры в Средние века», «Европейский романтизм и его формы в славянской литературе, живописи, музыке», «Славянская государственная символика», «Славянские лауреаты Нобелевской премии по литературе»), так и конкретные («Польская живопись XIX в.», «Роман Павла Вежинова „Барьер“», «А. Мицкевич и А. Пушкин», «Сатирический роман Ярослава Гашека „Похождения бравого солдата Швейка“», «Социальная фантастика Станислава Лема», «„Черный квадрат“ Казимира Малевича», «Творчество Тараса Шевченко», «„Jeszcze Polska nie zginęła...“ и „Ще не вмерла України...“ — славянские гимны»). Примеры содержания уроков: тема «Происхождение славян» (Происхождение славянских народов. Первоначальное географическое расселение славян. Первые упоминания о славянах. Легенды о происхождении славян. Легенда о Чехе, Ляхе и Русе. Легенда о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди. Легенда о Краке); тема «Древние славянские письмена» (Названия славянских племен, их расселение по Европе. Исторические сведения о древнем славянском мире. Славянское руническое письмо. Велесова книга. Надпись на Ковельском наконечнике. Литовское «Знамя Гедимины». Берестяные грамоты из Старой Руссы. Винланд (Земли-у-моря). Аркона. Храм

Свентовита. Микоржинские камни Познанского воеводства. Краковский медальон. Дешифровка славянских рун); тема «Славянские традиции» (Обычаи и ритуалы славян. Ритуалы посева и жатвы, проводов зимы и встречи весны, свадьбы и похорон, рождества и вступления во взрослую жизнь (инициации), начала строительства и новоселья. Космическая основа ритуала, понятие мифа, мифологические смыслы в нашей жизни (символика цветов, сервант как божничка, символика перехода, круга и пр.); тема «Мифологический алфавит» (Мифологема «Битва, война». Основной славянский миф — битва героя со Змеем. Легенда о происхождении столицы восточных славян — Киеве (Змиев вал), о столице Польши (Краков). Исторические изменения мифологических значений. Отражение мифологических значений в языке и литературе: *Из города Киева, из логова Змиева привез не жену, а колдунью...* — Н. Гумилев об А. Ахматовой).

Курс построен как курс культуры. Языки предлагаются в качестве факультатива, прежде всего для учащихся, имеющих инославянские корни. Курс языка рассчитан на один семестр (2 часа в неделю). Содержание его — очерк истории и современные сведения о славянской стране, грамматика языка (склонение и спряжение, построение вопросительных и отрицательных предложений), чтение текстов, разговорные темы «Давайте познакомимся», «Моя семья», «Мой обычный день», «Славяне» и т. п. Кадровое обеспечение реализации проекта включает дипломированных славистов, преподавателей, прошедших в славянских странах языковые курсы, а также носителей языка.

История, как известно, залог будущего. Изучение, развитие и укрепление исторических взаимосвязей славянских народов в наши дни весьма непростых межгосударственных отношений — залог осторожного, но все же оптимизма.

Литература

- Бобров А. А. Русский месяцеслов на все времена. Памятные даты, праздники, обряды и именины. М., 2004.
 Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. 4-е изд. М., 1998.
 Музыка: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. М., 1998.
 Платов А. Славянские Руны. М., 2001.
 Стефанский Е. Е. Задачник начинающего слависта. Русский язык на фоне славянских языков для учителей, студентов и школьников. Самара, 1997.

Ruski jezik, literatura in kultura v slovenskih jezikovnih, literarnih in kulturnozgodovinskih okvirih 20. in 21. stoletja

M. Erzetič

Univerza v Ljubljani (Ljubljana, Slovenija)

Ruska proza in slovensko prevodoslovje, kulturno-politična shema 20. in 21. stoletja, ruski jezik in literatura na Slovenskem na prelomu drugega tisočletja

Analiza bo vzela v okvir slovenske prevode ruskih literatov, konkretno pisateljev, ki so bili prevedeni v slovenski jezik v 20. in 21. stoletju, ter opisala odnos slovenskega znanstvenega literarnega kroga do ruske prozne besede. Zaradi lažje analitičnosti in specifičnih metaforizmov bo izvzeta ruska poetika, v okvir obravnave pa bodo vključeni tako prozni kot dramski teksti, ki so bili iz ruščine prevedeni v slovenščino za čas prejšnjega stoletja ter dandanes. Znanstvena analiza bo pokazala, zakaj se je v 50-ih in 60-ih letih 20. stoletja pojavilo večje prevajanje literarnih del ruskih avtorjev v slovenski jezik in kakšen je bil kritičen pogled slovenskih literarnih zgodovinarjev (npr. Lavrin, Aškerc, Pirjevec, Moder idr.) do ruske literature, kulture in jezika. Kako je vplivala politika na samo prevodoslovje v 60-ih in 70-ih letih 20. stol., ko je veljala na Slovenskem t. i. »tiha cenzura« in kako se je v času *agit-propa* ta problematika kazala v odnosu med rusko in slovensko literaturo in kulturo. Opisane družbenopolitične razmere v času socializma in znotraj federativnosti Jugoslavije so Slovencem kratile jezikovne in literarne razmahe, ki bi jih v drugačnem kulturnem okviru (npr. težnje Slovenije k večjemu uveljavljanju v okviru srednje Evrope, kateri je bila miselno bližja kot pa svetu južnoslovanskih narodov, kamor spada jezikovno še

danes) mogoče razvijali intenzivneje oziroma drugače. Svojima že predstavljenima (na slavističnem kongresu v Bukarešti in na konferenci v Moskvi) analizama — recepcije Dostojevskega na Slovenskem in slovenske literature v okviru slovenskega kulturnega in jezikovnega okvira nekoč in danes — bom še dodala dotično analizo, ki bo imela ključno vprašanje, zakaj je do večjega ponatisa ruskih del in splošnega zanimanja za rusko klasiko prišlo prav na prelomu iz 20. v 21. stol. Znanstvena analiza besedil in dokumentarnih poročil v slovenskih prevodih bo pokazala, kako se je spremenil ne le literarni jezik ruskega izvirnika in slovenskega prevoda, temveč tudi kulturni nazor med njima. Presek bo peljal skozi obdobje od predvojnega in vojnega stanja 20. stoletja, preko socialističnih in komunističnih vzpostavitvev odnosov v Sloveniji, tako v okviru Socialistične federativne republike Jugoslavije kot samostojne republike po letu 1991, pa vse do združitve in razdružitve v jezikovnem, literarnem in kulturnem okviru 20. stol. in danes. Referat bo pokazal, zakaj se je nekdaj bolj uveljavljala ruska kratka proza, medtem ko je danes večji ponatis ruskih romanov. Je kulturni okvir kriv, da se na Slovenskem nihče ni poglobljeno ukvarjal (npr. v doktorskih disertacijah in poglobljenih študijah) z ruskimi pisatelji do zadnjih dveh desetletij 20. stoletja ter smo

većino separatov dobili šele v 21. stoletju, in kje tiči vzrok za distančnost? Hkrati bo narejena analiza, koliko je bilo študentov vpisanih na rusistiko Filozofske fakultete v Ljubljani od vzpostavitve katedre za rusistiko in koliko je študij ruskega

jezika (na največji univerzi v Sloveniji — Univerza v Ljubljani) bil aktualen nekoč in danes? Pomembnost vprašanja, ki nam odpira vpogled v to, kaj to pravzaprav pomeni za mlade generacije, ki so vpete v multikulturalno mrežo drugega tisočletja.

Glagoljica u hrvatskom školskom kurikulumu

J. Vignjević, P. Marušić

Sveučilište u Zagrebu (Zagreb, Hrvatska)

Književnost, kanon, nacionalni identitet

Summary. The Glagolitic script in the Croatian school curriculum. The paper deals with the topic of Glagolitic script and Croatian Glagolitic heritage in the new concept of curricular content for the subject Croatian language in preschool and primary school teaching practice. Glagolitic literacy is an indispensable part of the history of the Croatian language, and its written heritage is an invaluable segment of the Croatian cultural, literary, legal, and religious tradition. In that respect, the Glagolitic era and Glagolitic script is one of the curricular topics which develop the national, cultural and language identity in pupils. The topic is based on current studies of the program and teaching experiences in the presentation of Glagolitic content.

Rad promišlja temu glagoljice i hrvatske glagoljičke baštine u novoj kurikulumnoj koncepciji sadržaja iz područja hrvatskoga jezika u predškolskoj i osnovnoškolskoj praksi. Glagoljička je pismenost neizostavan dio povijesti hrvatskoga jezika, a baština njome pisana vrijedan je segment hrvatske kulturne, književne, pravne i vjerske tradicije. Time je glagoljaštvo i glagoljica jedna od kurikularnih tema kojima se izgrađuje i nacionalni i kulturni i jezični identitet učenika. Obrada teme počiva na dosadašnjim

programskim i nastavnim iskustvima u prezentaciji glagoljičkih sadržaja te iščitavanju *Nacionalnog okvirnog kurikulumu* usredotočenom na dijelove koji otvaraju mjesto glagoljici među sadržajima iz hrvatskoga jezika u predškolskoj i osnovnoškolskoj dobi. Nakana je ovoga rada pridonijeti osmišljavanju mjesta i načina prezentacije glagoljice i glagoljičke književne i kulturne baštine u predškolskom i osnovnoškolskom odgoju i obrazovanju.

Staroslavenski ideologemi u hrvatskoj kulturi XX. st.

M. Žagar

Sveučilište u Zagrebu (Zagreb, Hrvatska)

Najstariji slavenski književni jezik, makedonske govorne osnovice, namijenjen svim Slavenima kao književni jezik u hrvatskoj je kulturi zastupljen gotovo od samog njegovog nastanka (od IX. st.), — kao i glagoljičko i ćiriljičko pismo kojim je bio pisan. Od samoga početka supostoji s kulturom zapadnoga izraza, s uzorima u latinskoj Europi. U 16. st. taj je aspekt prevladao. Otada, sve do XX. stoljeća, staroslavenska sastavnica sve se više sužava — jezik hrvatske redakcije susreće se samo u liturgijskoj uporabi (u određenim regijama, uz latinski), a glagoljičkoj i ćiriljičko pismo opstaje (uz latinicu) i za svakodnevne prilike.

Neobična pozicija u kojoj jednu kulturu opslužuju dva modela koja se napajaju i na latinskoj i na bizantskoj kulturnoj (ne i liturgijskoj) tradiciji, bila je vrlo podložna ideologizaciji — pokušajima da se, sukladno potrebama u pojedinom razdoblju, ponudi tumačenje takvoj neobičnosti. Prvi takav pokazatelj, zasvjedočen već u 13. st, forsirana je ideja kako je autor glagoljice, time i najstarijih slavenskih prijevoda liturgijskih knjiga, Sveti Jeronim, prevoditelj Biblije na latinski jezik. Otada pa sve do početka 20. st. hrvatsku je staroslavensku baštinu, Katolička crkva htjela iskoristiti u nastojanjima da se približi Istočnoj crkvi, kao svojevrsan model kojim bi se iskazalo poštovanje toj tradiciji. Tri i pol stoljeća (od početka 17. do kraja 19. st) u hrvatskim su crkvama sa staroslavenskom liturgijom bili u uporabi misali i brevijari pisani hrvatskom glagoljicom, ali — ruskom redakcijom staroslavenskoga jezika.

Kroz 18. i 19. st, usporedo sa znanstvenim stasanjem slavistike, jasno su se pokazale veze (jezične, pismovne, tekstološke, glazbene) između toga pola hrvatske tradicije s počecima staroslavenske pismenosti, začetima u Bizantu u 9. st. Temeljni 19-stoljetni okvir takva promišljanja bilo je nastojanje za afirmiranjem slavenske komponente u okvirima Austro-

Ugarske Monarhije, ali i daljnja orijentacija Katoličke crkve prema Istoku. Osnivanjem Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca, odnosno Kraljevine Jugoslavije (1918–1941), staroslavenski se ideologem pretočuje u iskazivanje jedinstva svih Južnih Slavena, začet još u vrijeme Austro-Ugarske, s tvrdnjom da su Hrvati i Srbi zapravo jedan narod, istoga jezika, a različite konfesionalne pripadnosti. Usporedo s ideološkim naglašavanjem bliskosti Hrvata sa Srbima, sve više jačaju otpori: pojavljuju se brojni članci, pa i znanstvene rasprave, koji naglašavaju moguće zapadne okvire u kojima je nastala i razvila se glagoljica (npr. latinska i gotska teorija), pri čemu se filološki aspekti uglavnom zanemaruju. Takav se ideologem osobito nastojao promovirati u vrijeme Nezavisne Države Hrvatske (1941–1945). Kroz desetljeća „Druge Jugoslavije“ on se napušta: zahvaljujući desecima istraživača, istraživanje glagoljice podrazumijevalo je isticanje nacionalne posebnosti, dok je hrvatska redakcija staroslavenskoga jezika upućivala na južnoslavensko jedinstvo. Gotovo kroz čitavo XX. stoljeće hrvatska je ćiriljička baština ostala na periferiji okvira hrvatske filologije, iako iznimno bogata i razvedena. S ponovnim osnivanjem hrvatske države 1991. g. glagoljica doživljava eksploziju zanimanja: u javnosti se naglašava nacionalna posebnost i posve ignorira njezino bizantsko podrijetlo. U tom smislu, u radikalnim crkvenim krugovima, izrazio negativnog stava prema svakom znaku približavanja s tradicijom Istočne crkve, postoje i danas nastojanja da se glagoljici odrekne njezin korijen u Carigradu.

Posljednjih dvadesetak katkad se naglašava kako se hrvatska kultura oblikovala na rubovima „dviju Europa“, „zapadne“ i „istočne“, te kako je takva bipolarna koncepcija i najveća posebnost hrvatske kulture. Vrijeme će pokazati je li i to ideologem.